

321
К68

Эфиопия-

годы
революции

Валентин КОРОВИКОВ

Валентин КОРОВИКОВ

Эфиопия- **революции** **годы**

Издательство Агентства печати Новости
Москва, 1979 год

О Г Л А В Л Е Н И Е

Вступление	3
I. От петиций к революции	5
II. Свержение Хайле Селассие	25
III. Первые реформы	46
IV. Вестники революции	61
V. Земля — пахарям	69
VI. Битва за города	87
VII. Цель революции — социализм	96
VIII. Испытание огнем	114
IX. Консолидация революционных сил	133

Вступление

За пятнадцать лет работы собственным корреспондентом «Правды» в Африке мне пришлось быть свидетелем многих важных событий в жизни этого беспокойного континента: рождались новые государства, вспыхивали войны, менялись президенты и правительства.

Последние семь лет я жил и работал в столице Эфиопии Аддис-Абебе, городе, где находится штаб-квартира ОАЕ, многие другие общеафриканские организации. Естественно, освещение трудной и сложной истории этой страны было моей главной журналистской задачей.

В феврале 1974 года традиционная, внешне устойчивая Эфиопия взорвалась. В стране началась революция, которая смела тысячелетнюю монархию, коренным образом изменила жизнь тридцатимиллионного народа. Слом обветшавшей империи, рождение новой социальной системы проходили в острой, нередко ожесточенной и кровавой борьбе. По накалу и глубине классовых боев эфиопская революция, пожалуй, превзошла все известные в новейшей истории Африки общественные движения.

Цель этой небольшой книги коротко рассказать, как за несколько лет феодальная Эфиопия разительно преобразилась, став одним из наиболее динамичных и прогрессивных государств Африки, выбравшим путь социалистической ориентации.

I.

От петиций к революции

Одна из главных достопримечательностей Аддис-Абебы — огромный рынок, Меркато, как его называют здесь на итальянский лад. В одном из уголков этого рынка ютятся две группки многотысячного базарного люда — книготорговцы и продавцы всяких снадобий.

Книгами торгуют десятка три мужчин. У каждого крепко сколоченный ящик-сундук с самым немислимым набором книг и брошюр. Регулярно, раза два в месяц, я заходил сюда в поисках изданий об Эфиопии и Африке. И почти никогда не возвращался без «улова». Однажды, в конце 1973 года мне попалась интересная работа «Эволюция панафриканизма» нигерийского историка Бакпету Томпсона. Дома, перелистывая уже изрядно зачитанную кем-то ранее книгу, я обнаружил на полях несколько заметок. Любая из них — вроде «Мы, эфиопы, хотим демократии. Прекратить тиранию. Долой монархию!» — была достаточной для самого сурового наказания вольнодумца. В Эфиопии 1973 года это были очень опасные высказывания.

Честно говоря, я даже засомневался — оставлять ли в своей аддис-абебской библиотеке эту попавшуюся мне на базаре книгу со столь

«криминальными» приписками. Решил сохранить, подумав, что, возможно, когда-нибудь эти гневные откровения станут маленьким свидетельством бунтарских настроений части населения в дни господства абсолютной монархии. Однако я не предполагал, что не минет и года, как на улицах Аддис-Абебы пройдут революционные митинги и демонстрации, а в местных газетах появятся статьи, открыто провозглашающие и обсуждающие эти вчера еще «преступные» идеи и лозунги.

Но так случилось. В феврале 1974 года Эфиопия взорвалась. Революция охватила большую и древнюю африканскую страну, казавшуюся застывшей, а если и менявшуюся, то очень медленно и лишь по велению сверху. И вдруг поток политических демонстраций и забастовок, открытое неповиновение властям, лавина петиций и требований, представляемых самыми различными социальными группами — от студентов и солдат до банковских клерков и духовенства.

Впервые в истории страны люди откровенно заговорили о состоянии ее экономики, культуры, о деятельности министров и всего государственного аппарата. Бесчисленные «почему?» стали задавать сотни тысяч людей, еще вчера безропотно, а то и благоговейно воспринимавших любые деяния и заявления «избранника божьего» и его придворных. Почему Эфиопия при ее разнообразных и богатых ресурсах — особенно сельскохозяйственных — остается одной из самых бедных стран мира и официально отнесена ООН к этой категории? Почему голодающие крестьяне, составляющие 90% населения страны, обяза-

ны отдавать чуть ли не три четверти своего урожая помещикам и сборщикам налогов? Почему миллионы землепашцев не имеют ни клочка собственной земли, арендуя ее у ленд-лордов, роскошно живущих в городах? Почему девять десятых населения страны, законно гордящейся своей древней культурой и письменностью, остаются к концу XX века безграмотными? Почему в Эфиопии продолжают орудовать многочисленные иностранные компании и дельцы, наживая в нищей стране миллионы? Почему без взятки нельзя решить ни одного дела в суде? Почему сотни тысяч людей гибнут от голода? И так далее и тому подобное...

И хотя ответы на эти и подобные им вопросы давались разные, выводы из анализа положения страны были примерно таковы: феодально-бюрократическая верхушка, правящая страной, обанкротилась, потому что ее заботы сводились прежде всего к сохранению своих привилегий, открытому разворовыванию казны, приумножению личных капиталов; нещадная эксплуатация народа, открытое игнорирование его нужд, жестокое подавление инакомыслящих были характерными чертами деятельности имперского правительства и его чиновников на местах. Страна нуждалась в срочных и радикальных реформах, чтобы покончить с уродливыми средневековыми порядками, особенно в деревне, с экономическим застоем и нищетой, с невежеством, религиозными и межплеменными распрями.

В Аддис-Абебе любят говорить, что толчок к лавине политических перемен дали столич-

ные таксисты. Доля истины в этом есть. Действительно, в середине февраля 1974 года, когда объявили о резком повышении цен на бензин, около тысячи водителей такси — темно-синих маленьких «Фиатов-600» решили бастовать. 17 февраля улицы столицы заметно опустели. Сотни юрких вездесущих «фиатов» не выехали из гаражей. Ходили лишь огромные красные автобусы — помимо такси, единственный общественный транспорт в миллионном городе. Мэрия всполошилась — привычная жизнь в столице нарушилась. Представителей разбушевавшихся таксистов вызвали для объяснений. Те выложили «отцам города» свои накопившиеся за годы обиды и жалобы. Как водится, муниципальные чиновники обещали обсудить нужды шоферов, а пока посоветовали им приступить к работе во избежание крупных неприятностей. Однако большинство водителей не удовлетворились обещаниями властей, и на другой день забастовка продолжалась.

Беспорядки в городе разрастались, начались демонстрации. Власти решили пресечь их силой — начались аресты. Вскоре министерство внутренних дел с облегчением сообщило, что «положение в городе взято под полный контроль и жизнь в нем стала вновь нормальной».

Однако настоящее и решающее выступление против старого режима было еще впереди. Внезапно взбунтовалась 2-я дивизия, расквартированная в Эритрее. По радиостанции, захваченной военными в Асмаре, была передана петиция солдат и сержантов дивизии к императору. 23 пункта петиции не выд-

вигали каких-либо серьезных политических требований, солдаты лишь просили повысить жалованье, улучшить пенсионное обеспечение, жаловались на барское, унижающее отношение некоторых офицеров к рядовым. «Мы выступили, — говорилось в петиции, — по той причине, что солдат, который потом и кровью служит своей родине, лишен всяких прав».

Ситуация для правительства складывалась чрезвычайно сложная и опасная: волнения в столице, забастовки, а теперь и бунты в армии. Вскоре стало известно, что к требованиям 2-й дивизии присоединились 3-я дивизия, военные моряки Массавы, военнослужащие главной базы ВВС в городе Дэбре-Зейте и другие части вооруженных сил и полиции. Правительству надо было принимать срочные меры. Силой уже нельзя было спасти положение, ибо главные орудия подавления непокорных, армия и полиция, вышли из повиновения.

23 февраля император Хайле Селассие I выступил по радио и телевидению. Он признал резкий рост стоимости жизни, ссылаясь на засуху, поразившую некоторые районы Эфиопии, и мировой экономический кризис с сопровождавшей его инфляцией. Обещая принять меры по контролю над ценами, император объявил о некотором снижении недавно введенных высоких цен на бензин и призвал подданных к выполнению своих обязанностей и к спокойствию. На другой день было принято решение увеличить жалованье солдатам и сержантам.

Однако спокойствие не наступило. Петиции армейских частей становились все более

радикальными. Речь шла в них уже не только об улучшении положения военнослужащих, выдвигались и политические требования. Вот, к примеру, подобного рода петиция из 11 пунктов от группы военных, требующая: 1) свободы печати, 2) свободы демонстраций, 3) разрешения деятельности политических партий, 4) проведения земельной реформы под девизом «землю крестьянам», 5) принятия нового законодательства о труде, 6) освобождения политических заключенных, 7) бесплатного образования для всех, 8) установления контроля над рыночными ценами, 9) суда над министрами и чиновниками-казнокрадами, 10) прибавки жалованья солдатам и рабочим в соответствии с ростом цен, 11) создания постоянного комитета из гражданских и военных лиц для контроля над ценами.

К требованиям солдат присоединились студенчество, ассоциация учителей, профсоюзы. Подкрепляя свои петиции делами, армейские части взяли под свой контроль аэродром столицы, банк, средства связи и информации. Были арестованы некоторые сановники.

28 февраля в газетах появилось невиданное в истории страны «дворцовое извещение». Вот его полный текст: «Совет министров эфиопского правительства заявил вчера о своей отставке его императорскому величеству Хайле Селассие I. Представитель императорского двора сообщил, что его императорское величество принял эту просьбу». Так в этой короткой информации объявлялось о крахе кабинета Аклилу Хабте-Вольда, кото-

рый тринадцать последних лет стоял во главе правительства.

Отставка кабинета министров, вызванная давлением низов и армии, показала, что одностороннее, только сверху вниз, реформаторство Хайле Селассие на протяжении его долгого — с 1930 года — царствования (а фактически он управлял страной и до коронации, начиная с 1917 года) оказалось несостоятельным. И неудивительно: император пытался соединить несоединимое — на сохраняющейся феодальной основе возвести здание современного государства, развивать экономику. Такая политика привела лишь к новым противоречиям и уродствам, к еще большему угнетению крепостного крестьянства.

На протяжении недели император вторично выступил по радио и телевидению, назвав новых премьера и военачальников. Премьером стал один из министров бывшего правительства 47-летний Эндалкачеу Маконнен. Выходец из знатной и богатой семьи — его отец многие годы был премьер-министром Эфиопии, — Эндалкачеу слыл в старом кабинете за либерала, имел отличное образование (окончил Оксфорд) и был хорошо известен в дипломатических кругах, после ухода У Тана он претендовал даже на пост Генерального секретаря ООН. Радикальные группы эфиопской общественности с самого начала выступили против его назначения.

Новое правительство формировалось с трудом. Император назначил на пост министра обороны генерала Абийе Абебе, других членов кабинета должен был найти сам Эндалкачеу. Несколько дней страна по существу

оставалась без правительства. Продолжались волнения в армейских гарнизонах. Пятитысячная студенческая демонстрация сожгла чучело старого премьера и требовала отставки нового. Петиции и листовки с самыми разными требованиями распространялись по городу, даже сбрасывались с военных вертолетов.

5 марта престарелый император в третий раз предстал на экранах местного телевидения. Он официально заявил о скорой реформе конституции. Было обещано ввести положение об ответственности премьер-министра перед парламентом и гарантировать населению гражданские свободы. Хотя и в общей форме, устами самого императора было заявлено о переходе к конституционной монархии. Но все эти заявления и шаги нового правительства уже не могли удовлетворить требования демократических сил.

И хотя порядок в армии и полиции, казалось, временно восстанавливался, каждый день на борьбу за свои права поднимались все новые слои населения. Передовую роль в этом пробуждении городского люда Эфиопии сыграл молодой рабочий класс и его профсоюзы. Уже 1 марта Совет Всеэфиопской Конфедерации профсоюзов (СЕЛУ) принял и разослал всем своим секциям обращение, содержащее 16 пунктов требований к правительству. В заключении указывалось: «Если основные требования не будут удовлетворены, мы вынуждены объявить забастовку с 7 марта 1974 года».

Обосновывая свое решение начать забастовку, Совет СЕЛУ заявил: «Правительству многократно подавались петиции о бедствен

ном положении рабочих, оставшиеся без ответа. Вот уже три года откладывается предоставление парламенту законопроекта об отношениях между рабочими и работодателями. Реальная зарплата рабочих за последние десять лет сократилась на 60%. Цены же на продовольствие за то же десятилетие выросли на 70%.

7 марта началась первая в истории страны всеобщая забастовка, в которой приняли участие сто тысяч рабочих и служащих, организованных в профсоюзы. Немногие, но весьма важные для Эфиопии предприятия — сахарные, нефтеперерабатывающие заводы, текстильные фабрики, железная дорога, порты, городской транспорт остановились. Перестали выходить газеты. Четыре дня шла забастовка. Наконец, власти вынуждены были отступить, пообещав постепенно выполнить все требования профсоюзов.

Выдержка рабочих, их политическая зрелость, проявленные в дни стачки, послужили вдохновляющим примером для всего народа.

Признаки духовного и политического укрепления прежде всего сказались на характере местной прессы и радиовещания. Печать, подвергавшаяся раньше жесточайшей цензуре и совершенно не отражавшая реальной жизни страны, стала аккумулятором подлинного общественного мнения. Резко возросло число писем читателей в газеты. Один из них предлагал ввести рубрику «Что народ хочет знать» и довольно четко называл «горячие проблемы»: безработицу, земельную реформу, народное образование, установле-

ние минимума зарплаты, экономическое развитие.

Разоблачение старого режима, призывы к реформам, особенно аграрной, стали постоянными темами трех столичных газет «Аддис Земен», «Аддис Суар» и «Эфиопиен Геральд». Примечательна статья «Откровенно говоря», напечатанная в «Эфиопиен Геральд» 5 марта. «Наступило время, — писал эфиопский журналист, — решительно потребовать, чтобы новый период нашей истории сопровождался не только сменой имен, но и, главным образом, сменой концепций».

Радикальные требования и бурные дискуссии заполнили страницы газет. Появилось много статей и писем, обсуждавших будущую конституцию, роль политических партий, систему образования. Высказывались самые различные точки зрения. Одни призывали поставить под контроль народа парламент. Другие продолжали доказывать, что демократия неприемлема для Эфиопии, так как ее политическая система зиждется-де на библейских устоях.

Без сомнения, эфиопские журналисты в эти бурные дни во многом способствовали пробуждению общественного сознания, пропаганде новых идей и требований демократических сил. Не случайно рядом с заголовком газеты «Эфиопиен Геральд» появился девиз: «Пресса стимулирует перемены».

Новая роль местных газет сразу же сказалась на их тиражах, влиянии и авторитете. На улицах Аддис-Абебы прохожие буквально атаковали мальчишек-разносчиков, расхватывая свежие номера за считанные минуты.

Весь март и апрель по Эфиопии гуляла волна демонстраций, забастовок, митингов. Правительство Эндалкачеу Маконнена создало комиссию по выработке проекта новой конституции, выпустило «Белую книгу» с изложением программы нового кабинета. И хотя обещаний в ней было немало, реализация их все время откладывалась под предлогом того, что необходимо время для разбора сложных проблем.

Пытаясь справиться с малоуправляемым ходом событий, правительство под давлением низов уволило наиболее проворовавшихся и ненавистных губернаторов, генералов, судей, управляющих. И вместе с тем все чаще применялись репрессивные меры, особенно по отношению к забастовщикам. Тягостную картину довелось мне видеть на главном почтамте столицы в дни стачки почтовых служащих. Из большого многоэтажного здания одного за другим выводили зачинщиков забастовки. Их ставили в цепочку под дулами автоматов и увозили на грузовиках. В некоторых городах — Джимме, Гондаре, Арба-Минче, произошли расстрелы демонстрантов.

Обострилась давняя в Эфиопии взрывоопасная христианско-мусульманская распря. 20 апреля сотысячная демонстрация — крупнейшая в истории страны — прошла по улицам Аддис-Абебы. Ее основными участниками были мусульмане столицы, ее главным лозунгом — отделение церкви от государства и провозглашение равенства всех вероисповеданий. Пять часов по главным артериям Аддис-Абебы текла людская река. Демонстрация явно переросла чисто религиозные рамки,

к ней присоединилась часть студенчества, молодежь.

Обстановка явно накалялась, поляризация сил угрожала новым взрывом. Эту ситуацию легко могли использовать реакционные элементы, подменив социально-экономические проблемы религиозно-племенными.

В самом конце апреля армия открыто вмешалась в ход событий. Военные взяли под контроль столицу, нанося удары направо и налево.

В ночь с 26 на 27 апреля около трех десятков важных сановников старого режима, в том числе почти все министры правительства Аклилу Хабте-Вольда, были арестованы и доставлены в штаб 4-й дивизии, расквартированной в Аддис-Абебе. В это же время представители военных впервые устроили открытую пресс-конференцию для эфиопских журналистов, где заявили, что они поддерживают правительство Эндалкачеу, считая необходимым дать ему возможность и время провести в жизнь реформы, изложенные в его политической декларации.

И тогда же военные призвали к прекращению забастовок в связи с тяжелым экономическим положением страны. Народ может «бороться за свои права, выполняя одновременно свои обязанности», — заявил представитель Координационного комитета вооруженных сил. Где добровольно, а где и под нажимом забастовки были прекращены.

Именно в эти недели Эндалкачеу Маконнен и Абийе Абебе предприняли все возможное, чтобы взять под твердый контроль армию. Эти попытки они намеревались провести под

прикрытием Координационного комитета вооруженных сил, где в это время заправляли явные и тайные ставленники правительства. Главную роль агента реакции играл полковник Яалем-Зевуд Тессема, командир батальона парашютистов. Он и проводил пресс-конференцию, о которой сказано выше.

Аресты влиятельных сановников имели целью продемонстрировать мнимый радикализм нового правительства, а также избавиться от старых политических соперников и конкурентов — при дворе всегда шла тайная, упорная борьба нескольких клик за власть, за «теплые» и доходные посты и влияние на императора. Однако же главная цель всех действий властей в апреле — июне состояла в подавлении народных выступлений, в восстановлении контроля над вооруженными силами. 30 апреля последовало официальное объявление, что Координационный комитет будто бы самораспустился и под председательством министра обороны Абийе Абебе создана Комиссия национальной безопасности. Армия как бы вновь ушла с поля политической битвы, предоставив возможность действовать правительству. Реакционные силы страны сочли события конца апреля благоприятствующими для укрепления своих пошатнувшихся позиций, укрощения «взбунтовавшейся черни». Особенную активность развернула Комиссия безопасности. Нападкам подверглись профсоюзы, студенчество, журналисты.

Традиционная речь императора 5 мая по случаю дня победы над итальянскими оккупантами в 1941 году была опубликована под

заголовком: «Император призывает к единству против агитаторов». В печати замелькали любимые реакционерами всех мастей политические жупелы «иностранного вмешательства», «подрывных элементов», «безответственности молодежи» и т. п.

В июне правые группировки решили, что они достаточно укрепились, чтобы вновь установить политический контроль над армией. Они лихорадочно готовились с помощью оружия подавить революционные волнения в армейских частях. 22 июня произошла перестрелка парашютистов Яалем-Зевуда с летчиками в Дэбре-Зейте. 26 июня восемь депутатов парламента посетили расположения 4-й дивизии, где выступили перед солдатами и офицерами, предложив им, ни много ни мало, освободить арестованных министров и других высших чиновников. Однако «спасители» обанкротившихся правителей страны просчитались. Армейские низы и демократически настроенное офицерство отнюдь не собирались возвращаться к роли сторожевого пса разваливающейся империи. Требования и лозунги февраля — марта не были забыты, и военные не собирались от них отступить.

К концу июня революционно-демократические силы армии отправили в столицу своих представителей, выбранных от армейских частей и полиции. Несколько дней шли горячие дискуссии: о путях развития революции, о том, как отразить контрнаступление реакции, сорвать ее заговор. Полномочные представители армейских низов, революционных офицеров разоблачали провокационную роль полковника Яалем-Зевуда, который поспешил

бежать из столицы. Было выбрано радикальное руководство Координационного комитета вооруженных сил. Его председателем стал тридцатитрехлетний посланец 3-й армейской дивизии из Харара майор Менгисту Хайле Мариам. Революционные силы страны обрели организованный, обладающий реальной силой и программой авангард. Так 28 июня возник знаменитый Дерг (в переводе с амхарского — комитет, совет). На следующий день по приказу революционного Дерга вооруженные силы Эфиопии установили полный контроль над столицей, прямо вмешались в ход событий и фактически взяли управление страной в свои руки. С конца июня начался новый этап эфиопской революции, завершившийся 12 сентября свержением императора.

9 июля впервые Дерг открыто выступил с программой своих действий и целей под лозунгом «Эфиопия прежде всего». В тринадцати пунктах этого заявления выдвигались требования и задачи демократизации страны, очистки ее от паразитических элементов и архаичных порядков, оздоровления всей общественной жизни в интересах трудового народа, прежде всего крестьянства. Социальная система новой Эфиопии, ее национальные интересы, отмечалось в этом документе, должны служить большинству населения, чтобы ликвидировать в стране нищету, болезни, неграмотность. Специально подчеркивалась важная задача укрепления национального единства страны, решительной борьбы с этническими и религиозными распрями.

Первой задачей Дерга стала борьба с придворной олигархией и реакционным генерали-

тетом, не прекращавшими попыток подавить разрастающееся революционное движение. Прежде всего были нанесены удары по жизненно важным центрам монархии, арестованы люди, считавшиеся в Эфиопии до сих пор «неприкосновенными». И первый среди них — председатель Совета Короны рас Асрате Касса, а также самые высокопоставленные придворные из личного окружения императора.

Координационный комитет вооруженных сил, полиции и территориальной армии ввел в Аддис-Абебе комендантский час. Императору был предъявлен ряд важных требований. Среди них — амнистия политическим заключенным, продление сессии парламента для законодательного оформления реформ и рассмотрения проекта конституции, разрешение Координационному комитету непосредственно вступать в деловые контакты с государственными учреждениями. Императору ничего не оставалось делать, как принять эти условия. Вновь был смнен начальник генерального штаба вооруженных сил. Им стал 50-летний генерал Аман Микаэль Андом, который последние девять лет находился не у дел, заседа, по велению императора, в сенате.

С июля под руководством Координационного комитета начали проводиться конкретные меры по реформированию государственной и социальной систем страны. Вскоре по требованию военных ушло в отставку правительство Эндалкачеу Маконнена. Ему было предъявлено обвинение в том, что «он не только стал препятствием для спокойных перемен, но и пытался создать разногласия внутри вооруженных сил». По представлению Координа-

ционного комитета премьером стал Микаэль Имру — сын известного политического деятеля, героя сопротивления итальянским захватчикам раса Имру (в переводе с амхарского рас — княжеский титул). Микаэль Имру формально входил в правительство Эндалкачеу Маконнена, но фактически вышел из него, уехав в Женеву, где представлял Эфиопию при учреждениях ООН. В день назначения его премьером он находился в Швейцарии. Вернувшись на родину, Микаэль Имру заявил, что будет проводить политику тесного сотрудничества с Координационным комитетом и что его правительство разделяет политическую программу армии.

В августе был опубликован проект новой конституции. Начала заседать комиссия по расследованию нелегального обогащения и злоупотребления властью бывшими министрами и чиновниками. Первый вопрос, разбиравшийся комиссией, — причины массовой гибели людей от голода в провинции Волло, где умерло более ста тысяч человек. Комиссия пришла к выводу, что бывший премьер-министр Аклилу Хабте-Вольд и его брат — тогдашний министр сельского хозяйства, губернатор провинции несут прямую ответственность за эту трагедию. Задолго до того, как начались массовые голодные смерти, в столицу поступали сообщения о надвигающейся катастрофе, однако власти, считавшие, что крестьяне в Волло всегда голодали, поголодают-де и еще раз, не приняли никаких мер. Заместитель санитарного врача провинции Гебремедхин Селассие сообщил, что еще в марте 1973 года его группа в течение

шести недель обследовала положение в ряде районов провинции и пришла к выводу, что засуха сильно поразила эти места. «Мы самым серьезным образом предупредили власти, что необходимо оказать помощь пострадавшим районам. Однако наше предупреждение игнорировалось и в итоге по меньшей мере 100 тысяч человек, которых можно было бы спасти, умерли».

Почти каждый день публиковались факты преступного отношения старых властей к нуждам населения, данные о гигантском размахе воровства и коррупции. Оказалось, что из 10 миллионов эфиопских долларов, собранных в конце 1973 года населением в фонд помощи голодающим, менее 10% дошло до бедствующих людей. В бесчестном обогащении участвовали и члены императорской семьи.

В августе Координационный комитет провел национализацию императорских дворцов, ряда компаний, где главными акционерами были император и его придворные. Эти разоблачения и конфискации имели большое политическое значение, раскрывая подлинно паразитический облик правящей верхушки, выдававшей себя за цвет нации.

Тогда же были ликвидированы устаревшие феодальные государственные институты: упразднен Совет Короны, бывший фактически тайным правительством страны, верховный императорский апелляционный суд, министерство двора, министерство пера, через которое проходили все законы и важные решения.

Одновременно военные приняли несколько решений, облегчающих положение простого

люда. С августа запрещалось повышать плату за жилье. Намечались меры к улучшению системы образования, обучению грамоте в деревнях.

По всей стране пропагандировался лозунг «Эфиопия прежде всего». Цель этой кампании заключалась в том, чтобы развернуть борьбу за ликвидацию нищеты, болезней и невежества, за обеспечение прав каждого гражданина на основе современной демократической конституции. «Судьбы нашей страны не должны больше решаться сверху людьми, которые объявляют себя источником всех истин, — писала в те дни газета «Аддис Суар». — Революция делается народом и для народа». Впервые за трехтысячелетнюю историю эфиопский народ поднялся против властей, чтобы взять свою судьбу в собственные руки. Борьба приняла очень острый характер. Реформам всячески противились старые хозяева страны. Они распускали самые нелепые слухи. Кое-где лендлорды начали организовывать вооруженные отряды «для защиты монархии и порядка».

Координационный комитет 30 августа опубликовал специальное заявление, в котором строго предупредил реакционные силы, что, если они не прекратят попыток помешать реформам в стране, против них будут приняты самые серьезные меры. «Силы реакции, ведомые своекорыстными принцессами и аристократами, должны хорошо усвоить, что они уже не имеют аудитории, желающей выслушивать их проповеди. Народ сказал «нет» крепостничеству и феодализму, и Координационный комитет позаботится о том, чтобы силы

реакции были стерты с лица нашей земли», — говорилось в этой декларации.

Так, после многомесячных сложных политических изменений и маневров к сентябрю сложилась обстановка, когда прогрессивные национальные силы, возглавляемые военными, приступили к слому старой системы, державшей страну в оковах отсталости и эксплуатации. Империя агонизировала...

II.

Свержение Хайле Селассие

Арест сановной верхушки империи, ликвидация таких монархических институтов, как Совет Короны, военный штаб при императоре, Министерство пера, верховный апелляционный суд, явились этапами в осуществлении важнейшей политической акции развернувшейся революции — свержении самодержавия.

Хайле Селассие правил страной фактически с 1917 года — сначала как регент и наследник престола при императрице Заудиту, дочери Менелика II, а с 1930 года — как император. Власть его была абсолютной, провозглашалась «дарованной самим богом». Библейские мифы и предания официально признавались правовой основой абсолютистской власти эфиопских монархов. Они именовались «избранныками бога» и считались прямыми потомками царя Соломона и царицы Савской, библейский роман которых во всех деталях повсеместно известен в Эфиопии и часто изображается на лубочных картинах.

Конституция 1955 года гласила:

«Титул императора навечно закреплен за родом Хайле Селассие I, потомка царя Сахле Селассие, чей род ведет прямое начало от

династии Менелика I, сына царицы Эфиопской, царицы Шеба и царя Соломона Иерусалимского... Благородство императорского происхождения, равно как помазание, принятое им, делают личность императора священной, Его сан нерушимым и Его силу неоспоримой. Соответственно Он владеет правом на все почести, надлежащие Ему согласно традиции и настоящей Конституции. Любой, кто осмелится попытаться оскорбить императора, будет наказан».

Претензии на божественное происхождение и богом дарованную власть имели для феодальной монархии серьезное политическое и моральное значение. Поскольку «соломонова династия» получила прерогативы править народом от самого бога, то, естественно, любое сопротивление властям, выступление против имперских порядков рассматривалось как выступление против самого бога, религии. Эфиопская империя была не только монархией, но и теократией. Подкрепляла и пропагандировала «святость» императора, его «божественные полномочия» эфиопская церковь, насчитывающая многие тысячи священников и монахов. Церковные проповеди, религиозные воззрения веками оставались почти единственной духовной пищей миллионов людей, особенно в деревне. Вера в императора как представителя самого бога на земле была крепко вбита в крестьянские головы, да и не только в крестьянские.

Охраняя и освящая цели, ценности и идеалы эфиопской империи, церковь готовила также верных слуг для короны. Ведь три главнейшие добродетели согласно церковной

доктрине — покорность, преданность и набожность... «Консерватизм, традиционализм, феодализм и политическая апатия эфиопских масс были тесно связаны с господствующей ролью церкви в различных областях общественной жизни», — справедливо отмечала газета «Эфиопиен Геральд» в октябре 1974 года.

Усердно работала и государственная пропагандистская машина. Ни одна книга в империи не выходила без портрета Хайле Селассие, будь то туристский справочник или школьный учебник. Его именем назывались и международный аэропорт столицы, и ее стадион, и единственный в стране университет, и главная улица Аддис-Абебы.

Чуть ли не в каждом центре провинции стояли пышные, огромные монументы императору. Обязательной принадлежностью городов были дворцы и резиденции, некоторые из которых «божественный гость» не посещал годами.

Сознательно культивировалось представление о Хайле Селассие как благодетеле и «творце» современной Эфиопии, «отце народа», великом и безупречном деятеле. Нередко устраивались пропагандистско-демагогические императорские выезды с раздачей милостыни, подарков. Иногда Хайле Селассие на автомашине проезжал по городу, разбрасывая на ходу монеты и мелкие денежные купюры.

Конечно, к 1974 году божественный образ «всепобеждающего льва» изрядно потускнел. Сильно подорвал веру в доброго и все-

могущего императора-благодетеля голод, унесший сотни тысяч жизней. Явной стала жестокость, алчность и продажность правящей элиты, непосредственно повинной в случившейся трагедии.

Однако миллионы граждан страны еще оставались во власти религиозно-монархических предрассудков, и прежде чем выступить с лозунгом «Долой императора», необходимо было морально-политически развенчать Хайле Селассие, развеять окружавший его «божественный ореол». И эту задачу Дерг выполнил весьма умело.

Почти месяц газеты ежедневно публиковали материалы, раскрывавшие сущность придворной клики, царской семьи и самого «помазанника божьего», их участие в хищнической эксплуатации народа. Особенно впечатлили жителей столицы разоблачения жульнических махинаций с доходами пивного завода «Святой Георгий» и городской автобусной компании «Лев».

Пивной завод был построен в Аддис-Абебе полвека назад каким-то иностранцем. После окончания войны 1941 года завод перешел в собственность эфиопского правительства, купившего его за полмиллиона эфиопских долларов. Все доходы завода перешли к императорской семье. В 1973 году Хайле Селассие «продал» этот государственный завод... государству, получив за это из казны 1 миллион 660 тысяч эфиопских долларов! При этом все доходы продолжали поступать на личные счета императора. Местное телевидение продемонстрировало чек на сумму 94 тысячи эфиопских долларов, полученных

императором от продажи пива, датированный июлем 1974 года. А в целом пивные дивиденды Хайле Селассие и его семьи составили более 20 миллионов эфиопских долларов!

Императорская семья была и главным держателем акций автобусной компании «Лев». Покупая проездной билет, каждый пассажир аддис-абесского автобуса платил монарху своеобразную дань. В сумме эти центы образовали солидный капитал — транспортная компания принесла коронованным дельцам 6,5 миллиона эфиопских долларов!

А крестьян, отдавших за аренду небольшого поля до трех четвертей урожая, особенно поразили сообщения о том, что еще недавно император раздавал своим придворным сановникам поместья размером в тысячи гектаров, обрекая проживающих там полунших земледельцев на участь крепостных.

К концу августа, лишенный преданных ему царедворцев и генералов, потеряв контроль над вооруженными силами, Хайле Селассие оказался в полной изоляции и стал узником своей резиденции — Юбилейного дворца. 27 августа Координационный комитет вынес решение запретить императору выезд из Аддис-Абебы, справедливо опасаясь, что в какой-либо из провинций вокруг Хайле Селассие могут сосредоточиться и отомобилизоваться реакционные силы, готовящие поход против мятежной столицы.

Выступления против самодержавия принимали все более острые формы. Помню, как в один из первых дней сентября около сотни молодых парней прошли вдоль дворцовой решетки по авеню Менелика II, скандируя

один и тот же лозунг. Гвардейцы охраны сохраняли невозмутимый вид, не вмешиваясь в происходящее. У многих прохожих были явно удивленно-испуганные лица. В толпе я заметил управляющего нашим домом.

— Боже! Вы слышали, что они кричат? «Императора на виселицу!»

Было явным, что дни правления Хайле Селассие сочтены. Все в Аддис-Абебе ждали, когда новая реальная власть объявит о свержении некогда абсолютного монарха.

Каждое утро я первым делом смотрел на флагштоки на крыше Юбилейного дворца (корпункт «Правды» расположен в доме напротив). На рассвете там обычно поднимали два флага — национальный и императорский штандарт. Если взвьется только один флаг, значит решение о низложении Хайле Селассие уже принято...

Но не эта «лакмусовая бумажка» показала, что император практически свергнут. Вечером 11 сентября, в первый день эфиопского Нового года, по местному телевидению выступал глава Эфиопской православной церкви Теофилос — человек консервативный, к тому же обязанный своим положением патриарха самому Хайле Селассие. И вот в торжественной проповеди по случаю Нового года Теофилос прямо обвинил императорскую власть в пренебрежении своими обязанностями, игнорировании народных бед. Порицание из уст патриарха, хотя и выраженное в вежливой форме и явно вынужденное, означало, что церковь смирилась с уходом своего патрона.

И как неопровержимое, страшное свидетельство преступлений императорского ре-

жима после речи патриарха был показан документальный фильм «Тайный голод», снятый английским оператором еще в 1973 году в провинции Волло, где прямо на дорогах от голода умирали люди. С экранов смотрели скелеты, обтянутые кожей, облепленные мухами, неспособные уже двинуть рукой. Тысячи и тысячи, среди них множество детей.

Внутри Эфиопии было запрещено даже упоминать об этой трагедии. Отснятую пленку в свое время вывезли из страны нелегально. И вот вечером 11 сентября этот сверхзапрещенный кинодокумент, затаив дыхание, смотрели десятки тысяч жителей Аддис-Абебы. Среди зрителей был и Хайле Селассие, которому настойчиво порекомендовали познакомиться с этим своеобразным обвинительным приговором разложившемуся, обанкротившемуся режиму.

Как стало известно позже, Координационный комитет вооруженных сил провел с 6 по 9 сентября четырехдневное закрытое совещание, на котором принял решение о свержении императора. Тогда же было предложено обратиться к Хайле Селассие с требованием вернуть в народную казну многомиллионные тайные вклады, которые он и его семья держали в швейцарских банках. Из показаний некоторых арестованных министров, доверенных лиц императора и из других источников было достоверно известно, что припрятанные капиталы императорского дома весьма велики и что на эти средства можно серьезно помочь миллионам голодающих.

Ведь чуть ли не вся добыча с золотых приисков Адола на юго-востоке провинции Сидамо шла в сейфы императора. А только в послевоенные годы там было намыто около 30 тонн золота! Три тысячи рабочих и старателей в тяжелейших условиях тридцать лет пополняли императорские сокровищницы, получая мизерную плату за каторжный труд. Нескончаемым потоком в личную казну императора шли дивиденды, ренты, проценты с многочисленных поместий, плантаций, от компаний, отелей, с ценных бумаг и других видов собственности, которыми владела императорская семья. К примеру, старшей дочери царя, принцессе Тенагне Ворк только в долине Аваша принадлежали земли площадью в 600 тысяч гектаров. И она регулярно получала дань с нищих кочевников за пастьбу скота в своих владениях.

Однако Хайле Селассие отверг требование военных, лживо заявив, что все капиталы роздал сыновьям и дочерям и другим членам семьи и что переводить ему из Швейцарии в Эфиопию нечего.

...Утро 12 сентября 1974 года. В 7 часов 30 минут по радио был зачитан долгожданный декрет о низложении императора: «Хайле Селассие I, который правил страной более 50 лет — с тех пор, как получил власть кронпринца, злоупотреблял своим положением, достоинством и честью короны во имя личного благополучия, а также корыстных интересов своих родственников. Вследствие этого он привел страну в ее нынешнее состояние. Кроме того, из-за старческого возраста, будучи 82 лет от роду, он уже не может вы-

полнять обязанности, налагаемые его положением».

Аддис-Абеба гудела, как улей. На улицах возникали стихийные митинги и демонстрации. Около танков и военных машин, окруживших Юбилейный дворец, близ муниципалитета, на главных площадях собирались толпы народа. Солдатам дарили цветы, букеты лежали на броне и капотах, торчали из амбразур. Особенно много людей пришло к дворцу, чтобы приветствовать решительные действия военных.

Возможно, только сам Хайле Селассие, уединившийся в своей царской опочивальне, еще ничего не знал. Однако вскоре представители Дерга прибыли в Юбилейный дворец. На историческую церемонию свержения монархии был приглашен один из самых известных в Эфиопии людей, рас Имру, пытавшийся смягчить феодальный режим, понимающий тяготы и страдания крестьян, патриот, воевавший с итальянскими оккупантами. После возвращения из фашистского плена он роздал свои земли крестьянам, чем шокировал всех лендлордов и впал в немилость у Хайле Селассие.

Очевидцы рассказывают, что когда 225-му потомку царя Соломона зачитали декрет о свержении, он воспринял свершившееся внешне спокойно, пытался даже произнести «под занавес» историческую фразу, что-де «я старался служить народу, но если больше не нужен Эфиопии, то уйду». Зато с волнением и даже смятением он выслушал предложение представителя Дерга покинуть дворец и отправиться в отведенное ему место

пребывания. И, наконец, выйдя из дворцового парадного входа и увидев крохотную горбатенькую дешевую автомашину — голубоватый «фольксваген» с рядовым городским номером АА33819, Хайле Селассие был совсем обескуражен. «Я поеду в этой машине?!» — с полным недоумением и возмущением воскликнул экс-император. «Да, именно в этой», — спокойно ответил офицер из Дерга. Было 10 часов утра. Тронулись конвойные джипы с пулеметами, и меж ними навсегда отбыл из дворца обанкротившийся, брошенный революцией монарх.

В этот момент стоявшие вокруг дворца танки запустили моторы и сдвинулись на несколько метров, чтобы освободить дорогу необычному кортежу. Шум машин заглушал крики толпы, проклятия свергнутому тирану. Мальчишки бежали рядом с «фольксвагеном», наиболее отчаянные стучали палками по машине. Под ее колеса из толпы летели монеты, на которых был изображен портрет императора.

Все это продолжалось несколько минут, пока небольшая колонна машин продиралась сквозь тысячную толпу, собравшуюся у дворца. Набирая скорость, она ушла по авеню Менелика II в казармы 4-й дивизии...

Аддис-Абеба приветствовала свержение императора. «Вопреки имевшимся опасениям, что действия против эфиопской короны могут вызвать широкие волнения и даже кровопролитие, свержение монархии было встречено с явным одобрением и чувством облегчения во всех частях страны», — справедливо отмечалось в брошюре, изданной Министер-

ством информации к первой годовщине ликвидации самодержавия.

Я так подробно описал это утро и выезд Хайле Селассие из дворца, чему сам был свидетелем, по той причине, что уже появились и, очевидно, будут появляться самые разнообразные версии этого события, основанные как на слухах, так и на фантазии авторов.

Новый, 1967 год эфиопского календаря начался поистине с исторических событий. В тот же день были обнародованы декрет № 1 и заявление о принципах внешней политики.

Первый декрет Временного Военного правительства состоял из 11 пунктов. Он узаконил свержение Хайле Селассие, распустил парламент, прекратил действие Конституции 1955 года, как «диаметрально противоположной нынешнему народному движению за экономические, политические и социальные реформы».

Дерг принял на себя всю полноту государственной власти «до тех пор, пока будет учреждена должным образом законно созданная народная Ассамблея и правительство». Этот первый декрет еще не ликвидировал монархической системы; корона по традиции многими признавалась символом национального единства.

Однако права нового предполагаемого короля (титул императора отменялся) сводились к чисто церемониально-представительским функциям, он не имел доступа к административным и политическим делам страны. Будущим королем объявлялся наследный

принц, старший сын Хайле Селассие, 58-летний Асфа Воссен, долгие годы находившийся в натянутых отношениях с отцом и в 1973 году отбывший на лечение в Западную Европу.

Сохранение монархической вывески в государственной структуре было уступкой еще сохранившимся настроениям и иллюзиям многих эфиопов. Но еще до свержения Хайле Селассие Дерг принял тайное решение покончить с монархической системой правления. Несколько месяцев спустя, в марте 1975 года, когда революционное движение укрепилось и углубилось, Дерг отменил пункт декрета о назначении конституционного, чисто церемониального короля.

Важным программным документом стало и заявление Военного правительства о задачах и целях его действий. 14 пунктов этой декларации развили планы общедемократических реформ, намеченных Координационным комитетом вооруженных сил в июле 1974 года, под общим лозунгом «Эфиопия прежде всего».

Бесспорно, новое заявление Дерга после низложения императора и взятия власти в свои руки было гораздо радикальнее июльского. Военное правительство ставило своей целью «устранить давние религиозные и племенные распри среди эфиопов, а также уменьшить глубокие различия в уровне жизни разных слоев населения».

В декларации заявлялось о срочной необходимости аграрной реформы, способной «удовлетворить неотложные нужды крестьян и увеличить сельскохозяйственное производ-

ство в стране». Серьезные нововведения намечались в юридической системе, народном образовании, рабочем законодательстве, развитии промышленности, ремесел, национальной культуре.

15 сентября Координационный комитет вооруженных сил был преобразован во Временный военный административный совет (ВВАС). Одновременно объявлялось, что его председателем избран генерал-лейтенант Аман Микаэль Андом. Первым заместителем стал майор Менгисту Хайле Мариам (о чем открыто было сообщено только в ноябре).

Вскоре ВВАС перенес свою штаб-квартиру из тесного здания, находящегося на территории казарм 4-й дивизии, в исторический Старый дворец Менелика II, со строительства которого в конце прошлого века и началось становление новой столицы Эфиопии — Аддис-Абебы (в переводе с амхарского — «Новый цветок»).

Старый Гибби (дворец) был свидетелем чуть ли не всей новейшей истории страны. А с сентября 1974 года зеленый, застроенный многими зданиями и церквями холм стал центром революционной Эфиопии.

Общая площадь Гибби около 50 гектаров. Как в старину Московский Кремль, Гибби — это и ядро города и своего рода город в городе. На наиболее высокой, центральной части холма расположен собственно дворец Менелика II — в нем под красной крышей огромный приемный зал длиной в шестьдесят и шириной в тридцать метров. На приемах, даваемых императорами, тут собиралось до нескольких тысяч гостей.

К залу примыкают жилые помещения, бывшие дворцовые службы, рядом находились государственный совет, верховный суд, тюрьма для дворян. Целый квартал занимал арсенал. Во времена Менелика в Гибби работали сотни ремесленников — чинили и ковали оружие, изготавливали одежду, обувь, сбрую.

Здесь же, в Гибби, в церкви-мавзолее покоится прах Менелика II, его жены и дочери — императрицы Заудиту. Эфиопы гордятся своей историей, многовековой независимостью государства, которую не раз приходилось отстаивать в трудных битвах. Старый дворец и окружающий его комплекс построек — самое примечательное историческое место в столице, своеобразный символ единства страны, ее суверенитета. И не случайно новая революционная власть вернула Гибби его прежнюю значимость, сделав его резиденцией правительства.

С середины сентября новые власти занялись расчисткой «авгиевых конюшен» рухнувшей империи. Решением Дерга отменялись одна за другой привилегии придворной верхушки, конфисковывались незаконно полученные виллы и поместья, чиновных казнокрадов заставили выплачивать долги государству. Из досье и архивов для всеобщего обозрения извлекались документы, свидетельствующие о преступном расточительстве богатств страны, ограблении ее нищего населения, захвате алчными придворными огромных территорий. Так, в многострадальной провинции Волло сто тысяч гектаров лучших земель принадлежали имперской семье и кучке придворных. Только наследный принц

и старшая дочь Хайле Селассие владели здесь латифундиями площадью в 50 тысяч гектаров!

Показательна история с застройкой города Бахр-Дара, расположенного на берегу озера Тана у истока Голубого Нила. Одно время Хайле Селассие намеревался основать здесь новую столицу. И немедленно лучшие земельные участки потенциальной столицы объявили собственностью императорской семьи и сановников!

Щедрые дары за счет народа раздавались верным придворным. Только в Аддис-Абебе стоимость домов, земельных участков, пожалованных вельможам «добрым императором», составила более ста миллионов эфиопских долларов!

Отличной иллюстрацией нравов бывших правителей Эфиопии служил государственный налог на нужды образования. Его платили все крестьяне, хотя были поголовно неграмотными — школ в деревнях не существовало. Отнятые у них деньги отдавались затем ...богатейшим семьям страны в виде субсидий на обучение их отпрысков за границей! Понятно, что новые власти отменили эту циничную практику.

19 октября была учреждена Чрезвычайная комиссия и специальный суд для расследования деятельности высших чиновников старого режима, повинных во многих трагедиях и несчастьях эфиопского народа.

Одновременно шла разработка проектов коренных реформ, направленных на ликвидацию феодальной системы. Однако в целом

положение в стране в сентябре—ноябре 1974 года оставалось неустойчивым, реакционеры все еще надеялись на реванш. Как отмечал в эти дни журнал «Жён Африк», «подвергаясь критике со стороны левых кругов и враждебным нападкам приверженцев старых традиций, ВВАС ведет страну по очень сложному пути».

Путь действительно был очень трудным. На первых порах программа нового режима провозглашалась довольно в общих формулах и давала возможность весьма широкого толкования — от либерально-буржуазного до революционно-демократического. И в самом Дерге собрались представители разных классов и социальных групп с различными политическими воззрениями и планами действий. Между тем разворачивалась борьба контрреволюционных сил против нового режима. Потерявшие власть поняли, что «бунт черни», недавно казавшийся не столь опасным, превратился в бурю. Теперь угроза нависла над основой основ имущих классов — их собственностью, поместьями и капиталами.

Реакционеры, надеясь на реванш, пустили в ход все средства — от террористических актов до попыток раскола армии и ВВАС. В июне 1974 года на собраниях военнослужащих в Координационный комитет вооруженных сил были избраны 120 представителей, в основном выходцев из низов, людей, известных своими демократическими убеждениями и в чине не выше майора (генералитету и старшим офицерам взбунтовавшаяся армия не доверяла — и не без оснований). Назна-

ченный председателем ВВАС генерал Аман Микаэль Андом рассматривался большинством членов Дерга лишь как представительская фигура. Коллективным главой государства и правящим органом был объявлен ВВАС.

Однако Аман Микаэль Андом и поддерживающие его круги имели свои расчеты — обуздать революционную стихию, сохранить экономические позиции иностранного капитала и местных бизнесменов, ограничиться лишь умеренными антифеодальными реформами и тем самым удержать Эфиопию в орбите политического и экономического контроля западных держав.

До некоторой степени о позиции Амана можно было судить по его первой пресс-конференции, проведенной 20 сентября. Он с порога отверг «любую импортированную иностранную идеологию», явно имея в виду социалистическое учение, заявив, что реформы будут проводиться только на базе местных, чисто эфиопских воззрений. На вопрос о земельной реформе он дал самый общий ответ — она должна способствовать сельскохозяйственному развитию. Поспешил генерал успокоить и владельцев заводов, плантаций, вкладчиков капитала: никаких попыток национализировать иностранные инвестиции предпринято не будет.

Два месяца продолжалось ожесточенное (тайное и явное) противоборство Амана Микаэля Андома с Дергом. Генерал, используя свою былую популярность в армии, пытался подмять под себя ВВАС, вести подрывную работу в воинских частях, связы-

вался даже с офицерами западных держав. Доходило дело даже до стрельбы. В Аддис-Абебе в результате перестрелки 7 октября погибло несколько солдат и сержантов саперных частей.

Был раскрыт заговор в гвардейской (переименованной в 1-ю) дивизии. Член Дерга капитан Демиссие Шиферау пытался организовать выступление гвардейских частей против революционного правительства. Однако солдаты разоблачили и арестовали предателя.

В это же время начались и левацкие наскоки на Дерг. Мелкобуржуазные, анархистские группы, главным образом среди маоистски настроенных студентов, выступали с авантюристическими призывами передачи власти «народному правительству», подбивая молодежь на демонстрации и саботаж. Особенно раздували эти псевдореволюционные страсти эритрейские сепаратисты, откровенно делая ставку на доведение страны до полного хаоса и расчленение государства.

В эти критические недели, когда решался вопрос: куда, по какому пути двинется Эфиопия после свержения Хайле Селассие, огромную политическую работу провели представители левого крыла ВВАС. Рискую в любой момент попасть под пули реакционеров, они ездили по стране, в армейские части, разъясняя и доказывая, что борьба за революционно-демократический путь развития Эфиопии только разворачивается.

Первый заместитель председателя ВВАС майор Менгисту Хайле Мариам посетил многие гарнизоны, мобилизуя солдат на продол-

жение решительной борьбы с реакцией, призывая к созданию новой Эфиопии. 19 ноября газеты опубликовали выдержки из его речей. Их изложению предшествовало краткое редакционное вступление, характеризующее Менгисту как человека, который планировал нынешнее движение на основе лозунга «Эфиопия прежде всего». «Он был председателем Координационного комитета вооруженных сил, полиции и территориальной армии до 12 сентября 1974 года. Офицер 3-й армейской дивизии майор Менгисту — человек действия, посвятивший себя интересам Эфиопии». Прошедшие с той поры бурные события и роль в них Менгисту Хайле Мариам полностью оправдали эту характеристику выдающегося эфиопского революционера.

Менгисту Хайле Мариам с уверенностью заявлял, что революционное движение «пережило трудный период испытаний и нападок, яростной оппозиции и прямой угрозы жизни его участникам. И теперь дорога для коренных перемен и реформ очищена». Главная реформа, которую предстоит провести, подчеркивал он, — аграрная. «У нас достаточно сил, чтобы разгромить те элементы как внутри, так и вне страны, которые попытаются препятствовать нашему движению вперед».

И буквально через несколько дней Дергу пришлось вынести трудное, но единственно правильное в той обстановке решение об устранении с поста председателя ВВАС и аресте генерала Амана Микаэль Андома за «нарушение воинской присяги, попытку внести раскол в вооруженные силы и вызвать

в стране кровопролитие», как было объявлено в заявлении Дерга.

Восемь дней Аман Микаэль Андом не являлся штаб-квартиру ВВАС, отдавал приказы из своей резиденции, пытаясь сплотить своих сторонников и добиться единоличной власти. 23 ноября, когда патруль, посланный арестовать генерала, вошел в его резиденцию, завязалась перестрелка и Аман Микаэль Андом был убит.

Еще до кризисных ноябрьских дней Специальная комиссия по расследованию преступных действий императорских министров и генералов выявила сотни фактов взяточничества и казнокрадства, злоупотребления властью, нанесших стране и народу колоссальный ущерб. 138 томов с 2800 документами составили дело «народ против императорского режима». Смертный приговор был вынесен большой группе сановников и высших офицеров двора и армии, находившихся уже несколько месяцев в заключении. Великий голод 1972—1973 годов, нищенское положение миллионов крестьян и бесстыдно роскошная жизнь эксплуататорской верхушки, ее полное пренебрежение судьбами эфиопского народа были вполне достаточным основанием для возмездия.

Это был сильнейший удар, обезглавивший контрреволюционные силы, показавший, что ВВАС не намерен мириться с попытками реставрации старых порядков, с курсом на свертывание намеченных радикальных реформ.

Борьба приняла острый классовый характер. В отчаянии и злобе реакция устроила

взрывы бомб в международном аэропорту, зданиях муниципалитета и отеле «Вабе Шебели» в Аддис-Абебе. Но это была агония смертельно раненного врага.

Еще один важный рубеж был пройден революцией на пути к большим реформам, и они не заставили себя ждать...

III.

Первые реформы

Решительные действия против реакции укрепили позиции революционно-демократических сил как в Дерге, так и среди народа. Появились объективные возможности для проведения социальных реформ, выдвижения более радикальной программы. И она была обнародована 20 декабря 1974 года. В ней впервые провозглашалось, что идеологией революции, целью начавшихся преобразований будет «эфиопский социализм». Были сформулированы пять принципов «эфиопского социализма» — равенство, вера в свои силы, уважение к труду, приоритет общественных интересов над личными, территориальное единство страны.

Новая программа содержала требования, направленные на ограничение эксплуатации народных масс, и явно выходила за рамки антифеодальной революции. «Эфиопский социализм», его принципы связывались с демократическими и патриотическими традициями в истории страны, а также с уравнительными, нравственными и религиозными постулатами.

На основе принципов декларации в декабре — январе были приняты декреты, резко ограничивающие роль иностранного капитала в

стране, проведены реформы административного аппарата. Был издан закон об общенациональных праздниках. Сокращалось до четырех непомерное число христианских празднеств, узаконивались как официальные выходные дни три мусульманских праздника. Это решение способствовало осуществлению принципа реального равенства религий, провозглашенного в декларации об «эфиопском социализме».

Специальная декларация об экономической политике провозглашала необходимость установления государственного контроля над развитием народного хозяйства, подчеркивала роль государственного сектора и определяла формы и сферы деятельности частного предпринимательства, а также иностранных компаний.

Как отмечалось в экономической декларации ВВАС, «старый режим политически и экономически объединял в себе черты феодализма и капитализма. Этот режим охранял интересы помещиков-паразитов, присваивавших большую часть национального богатства и растрачивающих его на свою экстравагантную-роскошную жизнь. Государственная машина служила для защиты интересов этого класса. Режим также защищал богатых местных и иностранных дельцов, которые получали огромные прибыли, но не направляли их в сферу производства. Разрешался беспрепятственный вывоз капитала иностранцами, что ослабляло экономику страны, наносило вред национальным интересам».

Одна из самых бедных стран мира с годовым доходом на душу населения в 80 амери-

канских долларов, Эфиопия была официально отнесена ООН к группе экономически наименее развитых государств. Начавшееся в пятидесятых годах создание отдельных промышленных предприятий носило неокOLONиалистский характер. Страна все более и более делалась зависимой от иностранных займов, фирм и банков. Общая сумма внешних долгов к 1974 году превысила миллиард эфиопских долларов. Выплаты займов и процентов на них съедали более десяти процентов стоимости всего экспорта. В наиболее развитой текстильной промышленности (фабрики в Дире-Дауа, Асмаре, Бахр-Даре и Аддис-Абебе давали треть промышленной продукции страны) почти полностью господствовали иностранцы — итальянские, японские, индийские, английские фирмы.

Крупнейший частный банк страны «Аддис-Абеба бэнк» контролировался известной английской компанией «Нейшнл Гриндлейс бэнк, Лондон». Американские корпорации хозяйничали в страховых обществах. Иностранным дельцам предлагали райские условия — долголетние отсрочки на выплату налогов с прибылей, свободный перевод капиталов, разнообразные льготы при импорте товаров и многое другое. Закон 1966 года об инвестициях прямо объявлял, что его цель — «сделать сколь можно легким для иностранных вкладчиков основание и расширение предприятий». Дело доходило до того, что зарубежным фирмам и дельцам разрешалось брать займы на капиталовложения и внешне-торговые операции из... эфиопских банков!

Природные ресурсы, дешевые рабочие руки легко отдавались на откуп иностранным бизнесменам, тем более, что почти всегда рядом с ними орудовали эфиопские землевладельцы и чиновники, местные дельцы. В стране действовали более ста отделений крупных иностранных компаний, более двухсот смешанных (с участием эфиопских акционеров) фирм. Наживались они всеми способами — от установления нищенской зарплаты рабочим и подделки бухгалтерских документов до подкупа чиновников.

Открыто входя в сговор с важными сановниками, вводя их в состав правления фирм, давая крупные взятки, бизнесмены добивались, за счет казны, различных льгот. Так, большая текстильная компания в Эритрее «Баратолло» не платила налогов с 1954 года. Только в конце 1971 года местный суд признал недействительными дарованные итальянским миллионерам поблажки. А лишь за 1970—1972 годы сумма налогов с прибылей этой фирмы превысила 4 миллиона эфиопских долларов! За 13 лет работы прядильной фабрики в Аддис-Абебе ее хозяева братья Лазаридис получили прибыль более чем в семь миллионов эфиопских долларов, а общая сумма уплаченных ими налогов составила всего четверть миллиона.

Характерна деятельность известной английской фирмы «Митчелл—Котс», прибывшей в Эфиопию в 1941 году буквально с обозами английской армии. Два десятилетия она вела прибыльную торговлю, главным образом, автомашинами. С 1960 года хозяева «Митчелл—Котс» решили заняться хлопком. По-

лучили в Нижнем Аваше 10 тысяч гектаров земли и к 1972 году уже собирали 22 тысячи тонн хлопка. 12 тысяч поденщиков — голодных кочевников — афаров, потерявших скот от засухи, безземельных крестьян — отходников из провинции Волло и Тигре, за гроши выращивали и собирали это «белое золото». В то время, как население этих районов тысячами умирало от голода, держатели акций «Тендахо плантейшн компани», дочернего предприятия «Митчелл — Котс», делили рекордные прибыли. На каждую стодолларовую акцию приходилось 15 долларов дивидендов. А всего за 1972 год прибыли этой хлопковой компании составили почти шесть миллионов эфиопских долларов!

Новые власти не могли мириться с подобным неоколониалистским разграблением страны. 1 января 1975 года были национализированы частные банки и страховые компании. А месяц спустя собственностью государства стали 72 крупных предприятия, а в 29 других государство получило контрольный пакет акций. Среди них текстильные, пищевые, кожевенно-обувные фабрики, несколько металлообрабатывающих, химических, цементных заводов, а также ряд крупных строительных и транспортных компаний. Раньше абсолютное большинство этих предприятий принадлежало полностью или частично иностранному капиталу. Отныне вся современная промышленность страны практически вошла в государственный сектор.

Эти меры революционного правительства в значительной степени ослабили неоколониалистский контроль над экономикой Эфиопии,

подорвали позиции местной бюрократической, компрадорской буржуазии, лишив ее многих источников доходов, ограничили возможность поддержки иностранными компаниями внутренней реакции, организации экономических диверсий и саботажа.

Однако, учитывая отсталость и уязвимость экономики страны, новые власти не запретили участие иностранного капитала в развитии отдельных отраслей хозяйства. Как подчеркивалось в Декларации об экономической политике от 7 февраля 1975 года, «имеются такие сферы, предприятия и проблемы, с которыми в настоящее время нельзя справиться только своими силами без участия иностранных капиталовложений, технологии и профессиональной помощи. Поэтому иностранным инвестициям будут даны достаточные возможности в ряде областей экономической деятельности». Декларация четко определила отрасли, монопольно принадлежащие государственному сектору, — добыча драгоценных (в Эфиопии есть месторождения золота и платины) и радиоактивных металлов, черная металлургия, текстильная, нефтеперерабатывающая, цементная, табачная промышленность, судостроение, электростанции, железнодорожный, морской и воздушный транспорт, радио и телекоммуникации, крупные типографии и некоторые другие.

На долю смешанных, частно-государственных секторов экономики (с участием иностранного капитала) оставались добыча нефти, угля, железа, руд цветных металлов, серы, фосфатов, поташа, мясная и мясоконсервная промышленность, производство пласт-

массовых изделий, бумаги, капитальное строительство и туризм.

Немалое поле деятельности предоставлялось местному частному сектору, средней и мелкой национальной буржуазии. Это многочисленные предприятия пищевой промышленности, небольшие фабрики и мастерские по металлообработке и ремонту автомашин, пошиву одежды, изготовлению тканей, ковров, циновок, обуви и т. п. В основном в частных руках оставлены розничная торговля, гостиницы, зрелищные предприятия, часть экспортно-импортной торговли (в первую очередь закупка и вывоз кофе, кожсырья, бобовых).

Правительство гарантировало тысячам мелких предприятий, ремесленникам, владельцам бесчисленных лавок и харчевен, гаражей и баров возможность продолжать их деловую активность при условии соблюдения нового трудового законодательства, установленных государством цен и размеров зарплаты, а также других экономических и социальных решений, принимаемых в интересах народного хозяйства, всех трудящихся масс.

Признавая объективную необходимость существования многоукладной экономики, эфисопское правительство заявило, что укрепление и рост государственного сектора — основной фактор в развитии народного хозяйства. Стихийный процесс капиталистического накопления будет контролироваться и ограничиваться государством, народными органами власти на местах.

В конце 1975 года вышел декрет, более конкретно определивший сферы и границы частного предпринимательства. Были указаны

максимальные размеры капитала частных компаний и предприятий — до 500 тысяч эфиопских долларов в промышленности, до 300 тысяч в оптовой и до 200 тысяч в розничной торговле (во всех случаях стоимость зданий и помещений в эту сумму не включается). Одному лицу разрешалось иметь только одну лицензию на промышленное или торговое заведение. Причем владелец лицензии должен лично активно участвовать в повседневной работе этих предприятий. Также устанавливалось, что лицам, имеющим постоянную работу, лицензии на создание частных предприятий, открытие лавок и магазинов не выдаются.

Сразу же после национализации основных промышленных предприятий и банков появились новые государственные хозяйственные органы и прежде всего Министерство развития национальных ресурсов, под контроль которого перешло большинство фабрик и заводов.

Были сформированы десять (со временем число их увеличилось) национальных корпораций — текстильная, транспортная, кожевенно-обувная, импортно-экспортная, пищевая и другие, взявшие на себя практическое руководство работой десятков крупных предприятий, планирование их производства, снабжение и сбыт.

И надо отметить, что, несмотря на серьезный экономический саботаж контрреволюционных элементов, подрывную деятельность анархистов, противодействие реформам части старого чиновничества, трудности с транспортом, получением оборудования и сырья, хозяйство Эфиопии относительно успешно переживало

бурные годы слома старых порядков и рождения новых — без большого спада в производстве, без экономического хаоса и неконтролируемой инфляции.

Одна из главных тому причин — революционный энтузиазм рабочих и прогрессивной интеллигенции.

Немалую роль сыграло и умелое руководство правительством со стороны Дерга. Он не впадал в экономический авантюризм, выдвигая требования увеличения производства, роста производительности труда, добивался контроля над ценами и денежным обращением, развернул широкую кампанию борьбы со спекулянтами и саботажниками, оказывал реальную помощь тысячам мелких предприятий, десяткам тысяч ремесленников.

Немногочисленный пролетариат страны (не более ста тысяч человек) в сложных условиях революции, при отсутствии авангардной политической партии, серьезного опыта самостоятельной борьбы с реакционерами и эксплуататорами сумел принять активное участие в становлении новой Эфиопии, практическом осуществлении прогрессивных реформ. Рабочие горячо приветствовали революционные перемены, национализацию фабрик и заводов. На митингах и собраниях они полностью поддерживали решительные шаги Дерга.

Эти экономические реформы имели огромное социальное, политическое значение для мобилизации масс на поддержку революции, на активное участие низов в развертывавшейся классовой борьбе.

В прошлом пролетариат страны был ограбленным и бесправным. Экономическая эк-

сплуатация в городе, как и в деревне, сопровождалась политическим гнетом феодально-абсолютистского режима. Нередко он дополнялся произволом неоколониалистов. На многих предприятиях, которыми владели иностранные компании, культивировалась расовая дискриминация.

Практически повсеместно рабочим не предоставляли отпусков и пенсий, не ограничивали законодательно рабочий день, процветала система штрафов, не оплачивались дни болезни, женщины получали всего пятнадцатидневное пособие во время беременности и т. д. Крепостным капитала оставался пролетариат страны до 1974 года.

Правда, с 1963 года существовала Всеэфиопская конфедерация профсоюзов (ВКТС). Одной из причин ее создания было стремление Хайле Селассие хоть немного приукрасить официальный фасад империи. В 1963 году Аддис-Абеба стала местом пребывания ОАЕ, среди членов которой было немало радикальных молодых независимых государств, возглавляемых революционно-демократическими лидерами. Некоторые из них открыто осуждали реакционные порядки в Эфиопии, полное политическое бесправие ее народа. Издав закон о профсоюзах и «правах» рабочих, император пытался представить себя и свой режим как заботящийся о нуждах трудового люда.

Однако, созданная повелением императора и по инструкциям «желтых» международных профцентров и прямых агентов ЦРУ, эта организация направляла свои главные усилия на воспитание покорности рабочих, прививая

им худшие образцы аполитичности, крохоборства и соглашательства с капиталистами.

Правительство само назначало рабочих «лидеров» из числа верных своих прислужников. С августа 1963 года в ВКТС верховодил Байене Соломон — близкий друг императорского премьера. В Аддис-Абебе открыто говорили о профверхушке как продажной клике, набивающей карманы, присваивающей щедрые дары заграничных опекунов из Американской федерации труда (АФТ) и из печально знаменитого детища ЦРУ Афро-Американского рабочего центра. Короче говоря, ВКТС представляла собой государственное учреждение для надзора за рабочим классом.

Честные профсоюзные активисты, пытавшиеся через ВКТС выступить в защиту интересов трудящихся, подвергались преследованиям и нередко оказывались в руках императорской охраны.

Хотя под давлением стихийных протестов рабочих тред-юнионистские бюрократы иногда и выступали со словесными призывами к реформам, старый профаппарат, созданный экспертами АФТ и ЦРУ, не мог служить рабочему классу, новой, революционной Эфиопии. Неудивительно, что вскоре после свержения Хайле Селассие подставные лидеры профсоюзов во главе с Байене Соломоном были изгнаны из ВКТС.

Борьба за руководство рабочим классом, создание новых профсоюзов были одни из самых острых и драматических глав эфиопской революции. И правые и левацкие группировки многократно пытались противопоста-

вить пролетариат Временному военному правительству, подорвать жизненно необходимый для судеб страны союз демократических сил армии, прогрессивной интеллигенции и рабочего класса.

Враги революции в своей демагогической подрывной деятельности использовали организационную слабость и идейную неподготовленность многих рабочих коллективов. Временами из-за махинаций и распрей различных фракций и группировок профсоюзные центры оказывались парализованными, а рядовые рабочие — сбитыми с толку демагогией и путаницей в словах и делах профбюрократов и некоторых «активистов». Дело дошло до того, что в мае 1975 года Военное правительство вынуждено было вмешаться в эти распри и временно закрыть штаб-квартиру конфедерации.

1 июня был выбран новый временный комитет конфедерации из 15 человек. Он порвал связи с правыми американскими профцентрами и принял решение обратиться к ВВАС с призывом о скорейшей выработке нового рабочего законодательства. Но и этот временный комитет, возглавленный Маркосом Хагосом, оказался под сильным влиянием левацких и анархистских элементов, все более разворачивая политическую и пропагандистскую деятельность, направленную против новой революционной власти, выступая против ВВАС и призывая рабочих к забастовкам. Этим воспользовалась подпольная мелкобуржуазная анархистская Эфиопская народно-революционная партия (ЭНРП), которая самым рьяным образом пыталась взять под

свой контроль профсоюзы, сделать их своей опорой в борьбе за власть.

«Контрреволюционеры, пробравшиеся в ВКТС, старались привлечь рабочие массы временными подачками, вроде требования повышения зарплаты, и одновременно толкали их на отказ от основных целей и задач революционной борьбы. И вместе с тем, играя на еще низком уровне политического сознания многих рабочих, пытались обмануть их, заявляя, что профсоюзы и должны считаться пролетарской партией», — писала газета «Эфиопиен Геральд» в редакционной статье «Борьба и победа эфиопских рабочих» 24 апреля 1978 года.

Следующий этап борьбы за руководство рабочим классом начался в декабре 1975 года, когда было опубликовано новое рабочее законодательство. 115 статей его четко определяли права трудящихся, их взаимоотношения с администрацией и нанимателями, гарантировали государственную защиту их интересов.

Многие права и льготы рабочие получили впервые. Твердо определялась шестидневная, 48-часовая неделя. Повсеместно вводились трудовые соглашения между администрацией и рабочими, устанавливался минимум зарплаты, законом предоставлялись оплачиваемые отпуска, оказывалась бесплатная медпомощь, назначались пенсии и пособия по болезни.

Предпринимателям и администрации вменялась в обязанность забота об условиях жизни и здоровье рабочих и служащих. Особое внимание уделялось положению женщин. Втрое (до 45 дней) увеличивался оплачиваемый

мый отпуск по беременности. Запрещалось использовать беременных на тяжелых, ночных и сверхурочных работах.

Ликвидировался прежний произвол при приеме на работу и увольнениях. Трудящиеся получили право обращаться в трудовые отделы судов при увольнениях и конфликтах с администрацией. Специальная государственная организация отныне брала под контроль все вакантные места и распределяла их среди зарегистрированных лиц, не имеющих работы.

Вместо обанкротившейся конфедерации профсоюзов учреждался Всеэфиопский профсоюз. Закон подчеркивал, что в своей политической и производственной деятельности профсоюзы должны руководствоваться социалистическими принципами, общей программой прогрессивного развития страны. Были подробно определены функции и задачи профсоюзов и порядок формирования и выборов руководящих органов.

Новое рабочее законодательство на деле показало, что военное правительство принимает реальные меры для защиты интересов трудящихся, улучшения их жизни, даже при скромных возможностях слаборазвитой эфиопской экономики. Провозглашение прав трудящихся помогло в разоблачении демагогии левацко-анархистских групп, пытавшихся представить Дерг некоей антидемократической, диктаторской военной хунтой.

Через несколько дней после опубликования закона о труде майор Менгисту Хайле Мариам выступил в столичном университете на открытии семинара трехсот профсоюзных ак-

тивистов. Он подчеркнул, что рабочим страны предстоит объединиться, чтобы защитить свои классовые и общенациональные интересы в трудной битве против контрреволюции.

Менгисту Хайле Мариам заявил, что Дерг поможет организовать и вооружить пролетариат Эфиопии для борьбы с реакционерами. «Задачи нашей революции — полностью перестроить Эфиопию на принципах демократии и справедливости, и нет на свете силы, которая могла бы повернуть вспять наше движение», — сказал в заключение лидер Дерга.

В сложной обстановке проходило формирование новых профсоюзов, появлялись и мужали подлинные рабочие вожаки. Немало жертв было принесено в ходе схваток с реакцией и леваками. Только в январе 1977 года был сформирован Всеэфиопский профсоюз.

IV.

Вестники революции

С самого начала революции было ясно, что старый феодально-бюрократический государственный аппарат не способен провести в жизнь намеченные новым правительством радикальные реформы, а наоборот, будет их саботировать. Большинство чиновников, высшие офицеры были выходцами из привилегированных, зажиточных слоев, имели землю, владели доходными домами, магазинами. Революционные преобразования их пугали, более того, в значительной степени лишали старых источников дохода. А необходимо было найти пути и средства политического пробуждения низов, особенно крестьянства, новые формы организации и самоуправления народа.

Армия, демократические представители которой возглавили революцию, могла выделить из своих рядов сравнительно немного политически подготовленных, грамотных, преданных делу революции людей. Их явно не хватало, чтобы провести на местах гигантскую преобразовательную работу. К тому же армия оставалась вооруженным стражем революции, охраняющим границы и территориальное единство страны. Вооруженные силы, однако, направили в госаппарат сотни солдат, млад-

ших и средних офицеров. В их задачи входил политический контроль за выполнением декретов и директив ВВАС министерствами и различными ведомствами, администрацией провинций. Благодаря усилиям этих комиссаров Дерга удалось не допустить серьезных перебоев и хаоса в функционировании органов власти, в экономической жизни страны.

Однако главный вопрос, кто станет вестником, пропагандистом революции в каждом селении, кто поможет простому крестьянину понять, что произошло в стране, куда она идет, что значат все эти невиданные перемены для него лично, его семьи, его деревни, предстояло еще решить.

Практически выход был один — направить в сельские районы наиболее грамотную, динамичную часть городского населения, не зараженную старой идеологией и коррупцией, а напротив, во многом разделяющую принципы и цели национально-демократического обновления страны.

Такой группой была учащаяся молодежь — студенты университета и колледжей, учащиеся выпускных классов средних школ, а также учителя, молодые рабочие и военнослужащие. По статистике, в 1972/73 учебном году в Эфиопии было около 25 тысяч школьных учителей, 18 тысяч студентов вузов и специальных учебных заведений типа техникумов и около 50 тысяч школьников последних 10—12 классов.

В принципе решение об организации этого уникального «хождения в народ» городской молодежи Дерг принял еще в октябре 1974 года, но официальный декрет № 11 о

проведении кампании «Развитие через сотрудничество» был опубликован 25 ноября. В нем четко и ясно излагались цели «земетчи» (кампании — по-амхарски): помочь народу понять и усвоить принципы лозунга «Эфиопия прежде всего» и заложить основы для практической реализации его положений. Вместе с местными властями проводить обучение грамоте и другую просветительскую работу, пропагандируя новые агрономические приемы, технические знания, правила гигиены. Довести до сознания каждого гражданина, что все имеют равные права и обязанности и что никто не может подвергаться дискриминации на основании происхождения, религии, богатства, служебного положения или уровня образования. Воспитывать уважение к физическому труду, к рабочему человеку. Бороться с вредными традициями и привычками, «объяснять, что пьянство, распущенность, нечестность и тому подобное — это проявление морального разложения и безнравственности и прилагать все усилия к возрождению морального здоровья населения».

Задачи молодежи сводились не только к просветительству и пропагандистской деятельности. Студенческие отряды должны были внести собственный трудовой вклад в обновление деревни, рука об руку с крестьянами участвовать в стройках, реально помочь им начать выбираться из векового тупика нищеты, забитости и неграмотности. «Главная цель кампании — дать всем эфиопским гражданам единую политическую ориентировку, организовать их на революционной основе, чтобы в будущем возникла сильная, единая, демокра-

тическая Эфиопия», — подчеркивалось в послании ВВАС к молодежи. Таково было трудное и почетное задание родины.

В Аддис-Абебе был создан штаб «земетчи», подчиненный непосредственно Дергу, обладавший большими полномочиями и самостоятельным бюджетом. Государство выделило немалые средства, чтобы обеспечить молодых энтузиастов одеждой, питанием, жильем, транспортом, медицинской помощью. Общая сумма, отпущенная на проведение «земетчи» в 1975 году, составила почти 45 миллионов эфиопских долларов. Десятки тысяч форменных костюмов для студентов срочно шились на фабриках Аддис-Абебы и других городов, тысячами закупались палатки, одеяла, матрасы, спальные мешки, ведра, посуда и многое другое.

Штаб-квартира «земетчи», занявшая здание одного из факультетов столичного университета, работала чуть ли не круглые сутки. В коридорах и аудиториях лежали ящики с консервами, груды лопат и топоров, стопки букварей и тетрадей, стояли канистры для бензина, шесты для палаток, громоздились тюки с одеждой, одеялами, кедами, палатками. Дни и ночи проводили за столами и телефонами активисты и руководители «земетчи», связываясь с городами и поселками, срочно разрабатывая, исправляя, перепечатывая инструкции и пособия для занятий с неграмотными, по сооружению колодцев, туалетов, пунктов по оказанию первой медицинской помощи, по сбору растений. Около тысячи человек работало в штаб-квартире и ее отделениях в провинциях.

Предстояло сформировать почти пятьсот отрядов, разместить их, обеспечить необходимым оборудованием и припасами. Всем были сделаны прививки против оспы и других распространенных заболеваний. Чтобы легче переносить трудности жизни и работы в сельских районах, десять тысяч девушек-студенток прошли специальную спортивную тренировку.

Почти месяц продолжался подготовительный период. И вот 10 января 1975 года Аддис-Абеба торжественно провожала первый отряд «земетчи». Пятьсот юношей и девушек в автобусах и на грузовиках двинулись на юг, в провинцию Сидамо. За четыре недели около пятидесяти тысяч участников кампании были доставлены в самые далекие уголки страны машинами, самолетами, а кое-где пешком или по реке, как, например, в районе Гамбеллы.

Усилия армии, молодежи были сконцентрированы на выполнении восьми заданий. Соответственно в каждом отряде создавались группы, решающие ту или иную часть общей программы.

Первое задание — политическое просвещение крестьян, объяснение им принципов революции, лозунга «Эфиопия прежде всего», роли народных масс в преобразовании страны.

Вторая большая задача — организация ликбезов. Примечательно, что обучение грамоте и взрослых и детей велось не только на официальном языке амхара, но и на родных языках местного населения — оромо, тигринья, гураге и сомалийском.

Очень полезной и действенной оказалась пропаганда санитарно-гигиенических навыков и оказание медицинской помощи населению. 24 мобильных медицинских отряда проникали в районы, где никогда не бывало врачей.

Значительная часть молодежи занималась строительством. Студенты сооружали мосты, колодцы, дороги, здания школ и сельских медпунктов.

Сельскохозяйственные секции пропагандировали новые агротехнические приемы, распространяли сортовые семена овощей, трав, активно вели борьбу с эрозией, проводили лесонасаждения.

Специальные группы вели поиски и учет исторических памятников, собирали местный фольклор.

И наконец, студенткам была поручена работа с женщинами-крестьянками. Эти секции занимались всем — от разъяснения принципов равноправия обоих полов в новой Эфиопии до кулинарных советов.

Исключительно важной задачей «земетчи» с марта 1975 года стало участие в проведении аграрной реформы, провозглашенной 4 марта 1975 года, и организация крестьянских ассоциаций.

В упорной борьбе за пробуждение трудовой Эфиопии, в терпеливой работе с крестьянами, в столкновениях со сторонниками старых порядков, иной раз и вооруженных стычках с бандитами проходила «земетчи». 56 тысяч ее участников жили, работали и боролись в сельских районах вплоть до июня—июля 1976 года.

17 июля 1976 года столица чествовала участников кампании. По площади Революции прошли тысячи студентов, выполнивших свой революционный долг. В павильоне рядом с Национальным театром была организована отчетная выставка «земетчи». Красноречивые цифры рассказали о полугодовой работе студенческой молодежи.

С ее помощью было создано 20 тысяч крестьянских ассоциаций, объединивших более пяти миллионов человек. 700 тысяч крестьян и их детей посещали курсы по ликвидации неграмотности. Руками студентов были построены 155 школьных зданий, 206 сельских медпунктов, две тысячи деревянных мостов, 87 местных дорог, благоустроены четыреста рыночных площадей, высажены два миллиона саженцев и многое другое.

Значительную помощь студенты оказали в ликвидации оспы в Эфиопии, где всего несколько лет назад ежегодно ею заболевали десятки тысяч человек. Около миллиона прививок было сделано в дальних районах участниками кампании. Полторы тысячи сельских акушеров подготовили студенты-медики.

Среди многочисленных стендов и сотен экспонатов выставки была огромная красная доска в черной рамке с фотографиями 116 юношей и девушек, которые не вернулись домой. Под каждым портретом короткие подписи: «Мессерет Шиферау, 18 лет, студентка университета, сожжена реакционерами в городе Бонга», «Зеуде Агу, 22 года, из средней школы города Джимма, убит контрреволюционерами», «Хайле Мариам Гебре-Цадик, 19 лет, студент сельскохозяйственного коллед-

жа в Алемайя, убит бандитами», «Гидион Бекеле, 28 лет, учитель средней школы, застрелен реакционерами», «Гебре Иоханнес Гессесе, 21 год, студент из Адуа, умер от пулевых ран, нанесенных бандитами».

Всеми средствами, от убийств до провокационных слухов («студенты будут разрушать церкви!»), пытались старорежимные элементы парализовать работу молодежи среди крестьян. В ряде районов активно действовали вооруженные банды, созданные бывшими помещиками, реакционными офицерами. Известные трудности вызывала и социальная неоднородность самого студенчества. Иной раз в одном отряде сталкивались люди консервативные, не принимавшие новой политики революционного правительства, и сторонники анархических, «сверхреволюционных» действий. Сказывалось и отсутствие в стране политической партии, члены которой могли бы руководить молодежью, воспитывать ее. Эту обстановку пытались использовать, и иной раз не без успеха, агитаторы из нелегальной мелкобуржуазной, анархистской, так называемой Эфиопской народно-революционной партии (ЭНРП), вербуя в ее ряды часть студенчества.

Однако в целом кампания «Развитие через сотрудничество» стала важным этапом в развитии революции, в привлечении миллионов людей к активной борьбе за коренную перестройку эфиопского общества.

V.

Земля пахарям

Из всех реформ, предпринятых в Эфиопии в 1975 г., самой важной и значительной как по своим масштабам — она коснулась 90% населения, — так и по социальным последствиям стала аграрная. Национализацию земли в стране, провозглашенную 4 марта, по праву можно назвать **аграрной революцией**.

Владение землей, контроль и распределение доходов от крестьянского труда веками были основой экономики и социального строя страны. Ее общественная структура, положение каждого человека во многом определялись владением землей, размерами и доходностью участков. Могущество императора и знати также опиралось на принадлежащие им огромные поместья.

До самых последних дней правления Хайле Селассие Эфиопия оставалась феодальным, крепостническим государством с нищими, бесправными крестьянами и купающейся в роскоши, высокомерной паразитической верхушкой.

Чего только не вынес обдираемый до нитки эфиопский крестьянин! И не случайно в амхарском языке он именуется «габбар» — человек, который платит дань, у которого бе-

рут, ничего не давая взамен. Отношение ба-рина к крестьянину четко отразилось в ответе одного губернатора Годжама монаху-миссионеру, пытавшемуся вступить за крестьян.

— Отец мой, — заявил вельможа ходатаю, — эти негодяи подобны верблюдам. Они кричат, плачут, стонут пока их нагружают, но в конце концов поднимают ношу, взваленную на них, и несут ее...

Долгие века миллионы крестьян выносили тяжелый гнет и поборы. Изредка вспыхивали разрозненные бунты (крупные волнения, например, были в мае—декабре 1968 г. в провинции Годжам), но их жестоко подавляли.

Многонациональный состав страны, ее бурная история, изобилующая войнами, иностранными вторжениями, борьбой династий и крупных феодалов за власть, привели к формированию очень пестрой и сложной системы владения землей в разных районах империи. Наиболее значительные различия в землевладении имелись между так называемыми «старыми» традиционными провинциями страны — к ним относятся Тигре, Бегемдыр (ныне Гондар), Годжам, северная половина Шоа и западная часть Волло — и «новыми» — юг Шоа, Арси, Сидамо, Каффа, Уоллега, Харарге и другие, объединенные с историческим ядром государства на Эфиопском нагорье в конце XIX века во времена правления Менелика II.

Северная половина Эфиопии, населенная, главным образом, народностями амхара и тиграи, в значительной степени сохранила общинное крестьянское землевладение. По праву кровного родства, происхождения от одно-

го предка, пахарь имел право на участок общинной земли. И хотя полного права собственности на землю крестьянин не имел, за последние годы все больше распространялась практика купли и продажи таких участков.

Несмотря на то, что большинство крестьянских семей в этих «старых» провинциях имели свои наделы, экономическое и социальное положение крестьян оставалось исключительно тяжелым. С ростом населения общин, от поколения к поколению мельчали, дробились поля. Немалая часть общинных владений разными путями урезалась и захватывалась помещиками и чиновниками, конфисковывалась за неуплату налогов, за мятежи и другие «провинности» перед властями. И к нашим дням крестьяне-общинники из Тигре и Годжама, Шоа и Бегемдыра сплошь да рядом оказывались почти такими же нищими и бесправными, как и безземельные арендаторы.

Это подтверждают данные статистики. Половина крестьянских дворов в провинции Бегемдыр имели менее полугектара земли, остальные — от 0,5 до 2 га. Три четверти пахарей Тигре владели менее чем одним гектаром. В области Дебре Маркос провинции Годжам средний размер крестьянского хозяйства составлял 0,9 га. Нетрудно подсчитать, что при урожае в 6—10 центнеров зерна с гектара весь годовой продукт землевладельца составлял десяток мешков зерна, немалая часть которого отбиралась сборщиками налогов.

В южной половине страны большинство крестьян вообще не имело своей земли. За аренду же они выплачивали огромную ренту. Одна из статей старого гражданского кодекса

разрешала лендлорду брать с арендатора до 75% урожая! В этих провинциях, населенных, главным образом, народностями оромо, гураге, сидамо, каффа и другими, вся земля еще во времена Менелика II была объявлена собственностью короны.

Огромные латифундии в десятки тысяч гектаров раздавались генералам и сановникам. Десятилетиями Хайле Селассие за «верную службу» жаловал южные земли своим придворным, офицерству и чиновничеству, главным образом, дворянам — выходцам из традиционных эфиопских районов, особенно из Шоа. Немалые земельные участки вместе с чинами и теплыми местечками получали и представители местной племенной знати, помогавшие центральной власти держать в железной узде ограбленное и угнетенное население. По далеко не полным подсчетам, после 1941 г. Хайле Селассие раздарил 1 миллион 760 тысяч гектаров земли! И хотя на этих дареных участках веками жили и работали тысячи крестьянских семей, они считались нелегальными поселенцами. Новый хозяин мог в любую минуту согнать их с земли, превратить в крепостных-арендаторов или своих батраков.

Экономическая эксплуатация и политическое бесправие крестьян-арендаторов, батраков в южных районах дополнялись национальным и религиозным гнетом. Большинство коренного населения здесь — мусульмане или язычники. Им запрещалось обучение детей на родных языках, а поскольку амхарского языка они не знали, полная неграмотность оставалась всеобщим уделом.

Поборы и повинности в этих районах, как правило, были более тяжелыми и многообразными, чем на севере страны. Вот примерный перечень налогов и обязанностей рядового габбара. Рента за землю помещику (минимум треть сбора), десятина (10% урожая) государству, оплата быков и другого инвентаря, налог в пользу церкви. Кроме того, крестьянин натурой поставлял помещику мясо, мед, сено, дрова, должен был обмолоить и доставить в усадьбу зерно, участвовать в постройке или ремонте дома, изгородей, пастьбе скота землевладельца, по его первому требованию служить гонцом, охранником, слугой. За малейшую провинность арендатора изгоняли.

Начавшееся в 50-х годах уродливое феодально-капиталистическое развитие Эфиопии принесло крестьянству новые трудности. Рост товарно-денежных отношений, появление крупных плантаций, принадлежащих иностранным фирмам и местным богатым, безмерно возросшие траты царского двора и правящей верхушки (достаточно сравнить цену лошади, на которой раньше ездили геточи (господа), со стоимостью «мерседеса» или «ситроена», на которых раскатывала столичная элита, — разница минимум стократная) резко усилили эксплуатацию землепашцев.

В некоторых районах начался сгон крестьян с земли. Перефразируя известную оценку подобного процесса в старой Англии, в Эфиопии «трактора съедали людей». Вот типичная история, случившаяся в селении Шибока провинции Шоа. В 1972 году четверо аддис-абебских дельцов (среди них вице-министр) по-

лучили здесь 900 га плодородной земли. Столичные «фермеры» приказали 107 семьям (500 человек) арендаторов покинуть поля и хижины к началу сезона пахоты. Часть крестьян ушла, а большинство продолжало ютиться вокруг на бросовых землях. «Добрые» дельцы предложили изгнанным крестьянам за грошовую плату пропалывать посевы, убирать бобы и кукурузу, охранять урожай от обезьян и птиц. В 1974 г. ферму расширили и еще сто семей были изгнаны.

Подобная участь постигла десятки тысяч крестьянских семей в долине Аваша, в районе городов Авасса, Асэлла, Арба-Минч и в других местах, где начали развиваться крупные плантационные коммерческие фермы, всячески поддерживаемые правительством. Например, «фермеры-джентльмены» получали дешевое горючее для тракторов и других машин.

Усиливался и налоговый пресс. Расходы на армию, чиновнический и полицейский аппарат, траты паразитической верхушки росли с каждым годом, а главным источником дохода оставался тот же нищий крестьянин. Бывшие эфиопские правители проявляли прямо-таки артистическую изобретательность в выжимании денег и товаров из своих подданных, в придумывании бесчисленных податей и обязанностей. Крестьяне в провинции Бегемдыр платили до 26 налогов — с урожая, со скота, за пастбища, за содержание церкви, солдат, судей и т. д.

Неукоснительно соблюдались обычаи принесения даров в усадьбу. К примеру, на любую свадьбу в семье помещика крестьянин

должен был преподнести подарок. А если же-
нился крестьянский сын, помещик взыскивал
специальный сбор!

Дорого обходились мужику и государствен-
ные нововведения. Когда в Эфиопии появи-
лись телеграфные и телефонные линии, то
ввели еще один налог. Неграмотные крестья-
не, в жизни не видавшие телефона и не по-
славшие ни единой телеграммы, обязаны бы-
ли оплачивать содержание телеграфистов.

О беспросветной нищете эфиопского крестья-
нина свидетельствуют данные о долгах,
опубликованные в августе 1974 года Цент-
ральным статистическим бюро страны. Сот-
ни тысяч крестьянских семей не могли до-
жить до нового урожая без займов. В провин-
ции Арси из 68 700 крестьян — 31 600 влезли
в долги, чтобы купить продовольствие, 7700 —
семена для посева, 3700 — уплатить налоги.
71% всех долгов в провинции Волло и 65% в
провинции Тигре были сделаны, чтобы про-
кормиться. Расплата была трудной, ибо обыч-
ный для сельских районов ростовщический
процент составлял 1 бырр на 10 бырров зай-
ма в месяц (один американский доллар ра-
вен примерно двум быррам), что в пересчете
на год равнялось 120% занятой суммы! Толь-
ко угроза голодной смерти заставляла кре-
стьян влезать в такую долговую кабалу.

Нищета, полуголодное существование, из-
нурительный труд быстро сводили земле-
пашца в могилу. Его век насчитывал всего
35—40 лет. Трагическое положение эфиопской
деревни обрекало страну на нищету и голод.

По данным, опубликованным Экономиче-
ской комиссией ООН для Африки, сельскохо-

зяйственное производство в стране в 1974—1975 годах ежегодно падало на 2% при довольно быстром (2,5—3%) приросте населения.

В стране, где миллионы крестьян арендовали землю, не существовало закона о взаимоотношениях, взаимных обязательствах землевладельцев и безземельных пахарей. Правда, такой законопроект был подготовлен в 1968 году, а три года спустя его передали в парламент. Затем два года «обсуждали». Закон так и не был принят.

Под нажимом международных организаций, отдельных кредиторов (например, правительства Швеции) в последние годы царствования Хайле Селассие было разрешено провести эксперименты по улучшению агротехники, увеличению доходов крестьян. Наиболее известным из них был так называемый шведский проект КАДУ, который осуществлялся в области Чилало провинции Арси.

Разумеется, либерально-благотворительные попытки «улучшить» жизнь крестьян, создать в феодальной империи островки «народного процветания» неизбежно терпели крах. Шведский социолог Михель Шталь, несколько лет проработавший над подобными проектами, издал в 1974 году книгу под характерным заголовком «Эфиопия: политические противоречия в сельскохозяйственном развитии». Исследователь пришел к выводу, что классовые антагонизмы в Эфиопии обостряются, что «процесс роста богатства немногих и обнищания большинства значительно ускорился вследствие коммерсализации сельскохозяйственной продукции. Поощряя капиталистическое про-

изводство при сохранении старых феодальных устоев, императорское правительство добавляет новое ярмо к традиционной эксплуатации крестьян».

Именно эти глубочайшие классовые конфликты и взорвали в 1974 году реакционный царский режим, привели к революции, отвергнувшей и феодальные порядки, и капиталистический путь развития.

Провозглашение земельной реформы 4 марта 1975 года стало решающим событием в ликвидации старых порядков. «Это исторический акт и гигантский прогресс в жизни нашей страны. Мечта стала реальностью. Земля объявлена общественной собственностью, — писала в этот день газета «Эфиопиен Геральд». — Благодаря решительным мерам, предпринятым военным правительством, позорная феодальная система, при которой немногие паразиты процветали за счет пота и крови народных масс, с сегодняшнего дня мертва».

Буквально со дня свержения Хайле Селассие по всей стране шли разговоры о неизбежной и скорой земельной реформе, условиях ее проведения, степени радикальности.

В октябре 1974 года вместе с двумя офицерами и несколькими эфиопскими журналистами я ездил по районам Огадена, охваченным засухой и голодом. Мои попутчики часами ожесточенно спорили, что будет с землей. Когда один из офицеров высказал мнение, что землю надо национализировать и отдать крестьянам, то такое решение показалось другим слишком радикальным для Эфиопии с ее вековыми традициями, крестьянской консерва-

тивностью, крепкой верой в бога, императора и сложившиеся обычаи сельской жизни.

Однако Дерг решительно отбросил половинчатый буржуазно-либеральный подход к модернизации деревни. Вот основные принципы земельной реформы.

Земля национализируется, становится собственностью эфиопского народа. Компенсация за земельные владения не выплачивается.

Только лица, собственным трудом обрабатывающие поля, могут иметь наделы в частном пользовании — максимальный их размер 10 гектаров. На этих условиях, как и всем крестьянам, участки предоставлялись и бывшим помещикам.

Не разрешается нанимать батраков, рабочую силу для обработки полей. Исключения допускаются для вдов, стариков, многодетных семей, инвалидов, т. е. для тех, кто не мог самостоятельно обрабатывать свой надел.

Земельные участки среди населения распределяются местными властями по возможности равными долями с учетом плодородия и расположения полей, а также числа едоков в семье. Закрепленные за хозяйствами поля запрещается продавать, обменивать, сдавать в аренду, закладывать. Только прямые наследники (супруг, дети) имеют право на эту землю.

Безземельные вступали во владение участками, которые они арендовали и обрабатывали. Более того, их полностью освобождали от уплаты ренты, долгов и других обязательств.

Специальная статья декрета определяла судьбу крупных товарных ферм. Значитель-

ная их часть передавалась государству, другие становились кооперативными хозяйствами или их земли и имущество распределялись среди крестьян.

Сохранялось общинное землевладение в тех районах, где оно традиционно существовало. Закон аннулировал феодальные подати и повинности, которыми были обложены крестьянские общины.

Реформа не только ликвидировала феодальные повинности и архаичные паразитические формы землевладения. Она создавала предпосылки для возникновения кооперативного движения, государственного сектора в сельском хозяйстве, для некапиталистического развития деревни.

Декрет о земле определял и новые органы самоуправления, формы власти на местах, с помощью которых крестьяне могли провести реформу, подавить сопротивление помещиков и их подручных, взять под контроль ведение местных дел.

Первичной организацией новой структуры власти становилась крестьянская ассоциация. Она объединяла окрестные деревни и хутора на площади не менее 800 гектаров. В члены ее на первом этапе принимались только безземельные арендаторы и крестьяне, имевшие не более 10 га земли. В обязанности этих крестьянских союзов входили — контроль за соблюдением установленных правил пользования землей, водами и лесами, охрана общественной собственности, обеспечение обработки земельных участков инвалидов и стариков.

Ассоциации создавали свои суды, комитеты для ведения общих хозяйственных дел, орга-

низации кооперативов, строительства и т. д. Из представителей первичных ассоциаций образовывались крестьянские союзы района, области и провинции. На этих уровнях в их состав включались также представители государственной власти, специальные уполномоченные Министерства земельной реформы.

Поистине впервые в долгой истории эфиопского государства крестьяне получили возможность решать свои насущные проблемы и прежде всего самые главные для любого пахаря — дела земельные!

После провозглашения этой революционной реформы в Аддис-Абебе сотни тысяч людей вышли на демонстрацию. Митинги, шествия, народные гулянья проходили по всей стране. Впервые в деревню приехали столичные журналисты, чтобы взять интервью у людей, которые еще совсем недавно считались полурабами.

В сельской области Менагеша, что примыкает к Аддис-Абебе, только четверть крестьянских хозяйств владели землей. Члены императорской семьи, придворные, вроде раса Месфина Селеши (губернатор Шоа), с особенной жадностью захватывали окружающие столицу земли — цены на них быстро росли. Можно понять, с какой радостью здешние крестьяне встретили весть о реформе.

Естественно, что столь радикальная земельная реформа вызвала недовольство, злобу и вооруженное сопротивление эксплуататорских групп, терявших свои латифундии, доходы и привилегии. У крупных землевладельцев в родовых усадьбах подчас хранились целые арсеналы оружия, многие из них имели лич-

Революция. Единство народа и армии

Защитник Джиджи

Участница отряда самообороны

Молодежь выступает за целостность страны и невмешательство во внутренние дела Эфиопии

По призыву профсоюзов солдаты и народная милиция в выходные дни работают по уборке урожая

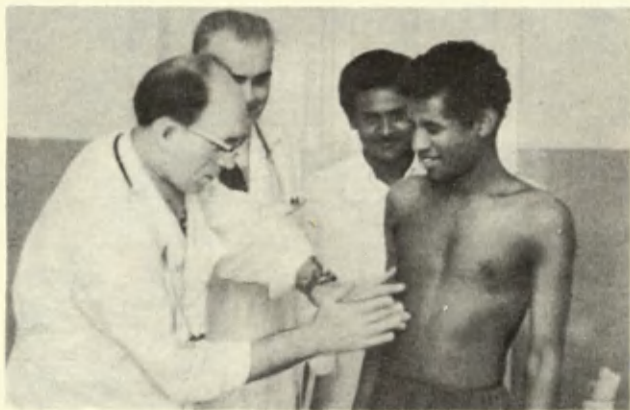
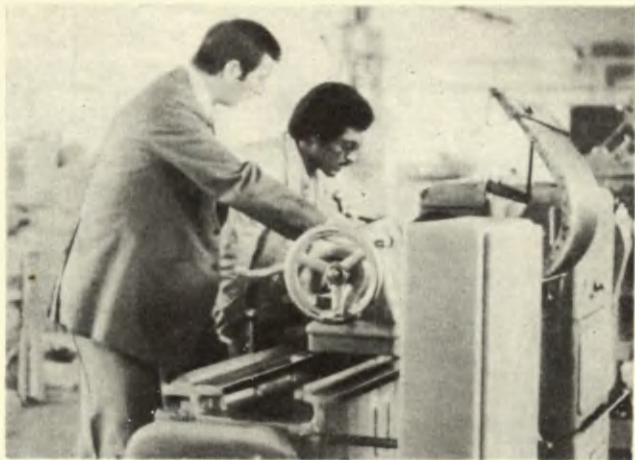

Демонстрация рабочих

Ткачиха текстильной фабрики в г. Акаки

В детском саду в Аддис-Абебе

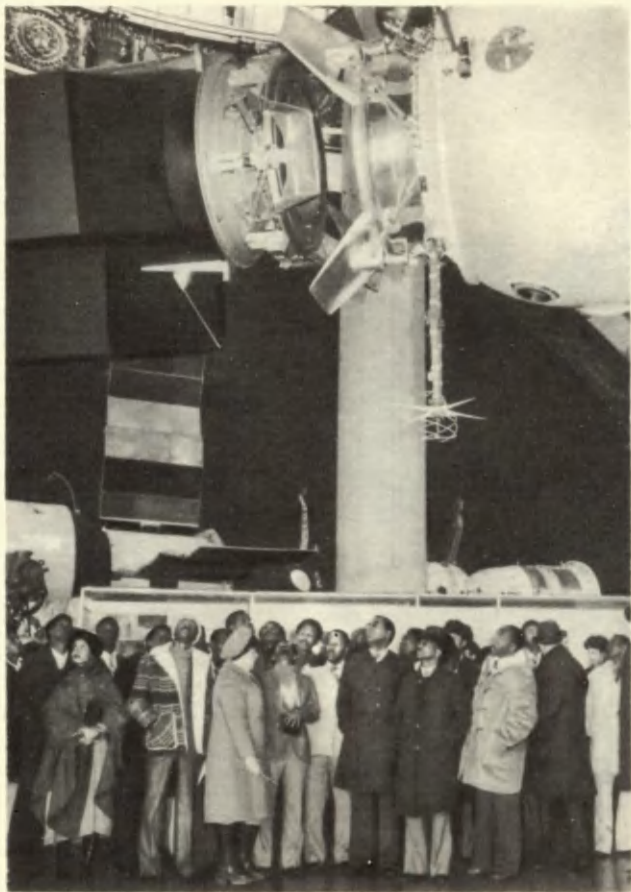
В одной из мастерских политехнического института
в г. Бахр-Даре—дара Советского Союза эфиопскому
народу

Советские врачи в Эфиопии

1978 год. Визит Председателя Временного военного административного Совета и Совета министров Социалистической Эфиопии подполковника Менгисту Хайле Мариама в СССР

Посещение Мавзолея В. И. Ленина и возложение венка

ВДНХ. Менгисту Хайле Мариам в павильоне «Космос»

Севастополь. Менгисту Хайле Мариам у могилы Неизвестного солдата

Менгисту Хайле Мариам на площади В. И. Ленина
в Ташкенте

Председатель узбекского колхоза дарит Менгисту Хайле Мариаму национальный наряд

Тбилиси. Грузинские дети встречают эфиопскую делегацию цветами

Менгисту Хайле Мариама с грузинскими детьми во Дворце пионеров в Тбилиси

Тбилиси. Студенты университета приветствуют Менгисту Хайле Мариама

20 ноября 1978 г. в Большом Кремлевском дворце состоялось подписание Договора о дружбе и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Социалистической Эфиопией
Обмен приветствиями между Л. И. Брежневым и Менгисту Хайле Мариамом после подписания Договора

ных телохранителей и вооруженных слуг, готовых выполнять любые приказы.

Помню, как в декабре 1974 года, еще до издания декрета о земле, я возвращался в Аддис-Абебу из провинции Сидамо. Километрах в ста от столицы, около селения Мэки, спустила шина. Пришлось остановиться у бензocolонки, чтобы залатать камеру. В это время подъехал американский «джип». Из него выскочил крепкий пожилой мужчина в полувоенной форме. Разговорились. Оказался полковником в отставке. Ныне он «фермер-джентльмен», получивший в свое время от императора 200 гектаров земли. Естественно, речь зашла о будущем, грядущей реформе. Полковник-плантатор выразил надежду, что землю ему оставят.

— Ну, а если национализируют?

— Буду воевать! — без колебаний ответил он. — Вот посмотрите! — сказал он, открывая дверцу своего вездехода. На полу и на заднем сиденье лежали несколько автоматов, ручной пулемет, жестяные коробки с патронами.

— Это лишь походное снаряжение, отбить случайный налет. А для чего-то посерьезнее найдется оружие и потяжелее, — добавил отставной полковник.

Помещики не собирались расставаться с основой своего благосостояния и власти без боя. Весь 1975 год, да и следующий в газетах часто появлялись сообщения о столкновениях армейских и полицейских патрулей, крестьянских отрядов самообороны, студенческих групп с контрреволюционными бандами и отрядами.

В глухих горных районах эти бандитские шайки терроризировали население, мешали перераспределению земли, убивали местных активистов.

Газетная информация 1975 года буквально пестрит сообщениями о действиях крупных банд, возглавляемых зачастую титулованными придворными, офицерами-монархистами.

С новой властью, ее радикальными реформами реакционеры боролись не только оружием. Используя местные предрассудки, старые распри между национальностями, религию, они распускали самые фантастические слухи. Шли в ход примитивные методы, вроде «доверительных» рассказов на рынках, в церквях или барах. Пропагандистские диверсии поддерживались западными радиостанциями. В своих передачах на амхарском языке они чернили революцию, деятельность новых властей. Особенным рвением отличалась радиостанция «Немецкая волна» в Кельне.

На первых порах после объявления реформы враги революции всячески старались извратить ее сущность. Землю-де отнимают не только у помещиков, а у всех, в том числе и крестьян. А потому не надо ее обрабатывать и засеивать, ибо все равно весь урожай отберет государство.

Положение декрета о максимальном размере земельного участка в десять гектаров для одного крестьянского хозяйства реакционеры представляли как обязательство новых властей предоставить каждому пахарю такой надел, что во многих районах страны практически было невозможно сделать из-за нехватки удобных сельскохозяйственных земель.

В провинциях со смешанным этническим населением распускались слухи, что-де землю отнимут у амхара и отдадут ее оромо или гураге. В областях с преобладанием христианской религии говорили о том, что к власти в Аддис-Абебе пришли мусульмане и на христиан начнутся гонения. А среди мусульманского населения распространяли прямо противоположные слухи.

Дело доходило до анекдотических историй. В мае 1975 года мне на вертолете отряда Всемирной организации здравоохранения удалось побывать в глухих деревнях на западе провинции Годжам. Там отмечалось немало вспышек оспы, с ней шла интенсивная и упорная борьба (оспа в Эфиопии была ликвидирована лишь в конце 1976 года). Местный фельдшер, летавший со мной, рассказал, что крестьяне некоторых хуторов отказываются делать прививку, потому что она-де превращает христианина в мусульманина, а грохочущей, невиданной машиной, спускающейся с неба, командует мулла...

Во многих местах крестьян открыто запугивали жестокими репрессиями и казнями, если они послушают «смутьянов», захвативших власть в Аддис-Абебе. Газета «Аддис Земен» приводила слова бывшего помещика, угрожавшего крестьянам: «Мы сожжем ваши дома, уничтожим ваш скот. Вас ждет жестокая кара!»

В этих условиях десятки тысяч юношей и девушек «заметчи» противостояли провокациям, террору и демагогии, помогали миллионам крестьян пробудиться от политической апатии, освободиться от веры в «доброго им-

ператора», осознать свои права и человеческое достоинство, понять, кто их друзья и кто их враги в сегодняшней Эфиопии.

И правда побеждала.

Студенты приходили на базары, к церквям — всюду, где сходилась народ, а в базарные дни в некоторых селениях собираются нередко десятки тысяч людей, — просто и ясно рассказывали о земельной реформе, отвечали на вопросы, разоблачали провокационные слухи и небылицы.

Как-то во время поездки в порт Ассаб я остановился на несколько часов в Камболче — оживленном торговом городке на шоссе на перекрестке близ Дэссии — центра провинции Волло. Огромная ровная площадь была забита тысячами людей. По краям на «стоянках» — сотни вьючных мулов; ослов и лошадей. Рядами на земле сидели торговцы солью, домотканым полотном, местным пивом, овощами, хворостом, древесным углем. И среди этой базарной толчеи необычно выделялся вездеход, над лобовым стеклом которого блестел серебристый раструб мощного динамика. Около вездехода — несколько городских парней. Подошел к ним, разговорился. Оказались студентами — участниками «земетчи».

— Сегодня большой базар, самое время рассказать людям о делах в стране, — объяснил один из них. — Сейчас запустим пленку с записью радиопередачи из Аддис-Абебы о земельной реформе.

Через несколько минут над площадью зазвучал четкий голос столичного диктора, зачитывавшего главные пункты декрета о зем-

ле. Базар замолк — тысячи людей внимательно слушали. Речь шла о их самых насущных нуждах, о земле-кормилице, о крестьянской жизни и смерти. А здесь в Волло, где год-два назад от голода, от феодальных поборов погибло двести тысяч человек, где целыми районами владели императорские отпрыски и фавориты, статьи революционного закона звучали особо значимо и весомо...

На широком общегосударственном совещании в мае 1975 года были откровенно обсуждены все сложные экономические, социальные и культурные аспекты аграрной реформы. Были также выработаны единые критерии и методы работы при формировании новых сельских органов власти и кооперативов. Эти единые установки для всех звеньев государственного аппарата и «земетчи» были совершенно необходимы, чтобы избежать разнобоя, лишних конфликтов, чтобы не допустить захвата новых организаций старорежимными элементами, а также предотвратить левачьи перегибы, вроде необоснованной конфискации и обобществления рабочего скота, домашней птицы, запретов на торговлю и т. п.

В острых столкновениях с реакцией, старыми бюрократами, помещичьими бандами, в борьбе с предрассудками, апатией поднималось эфиопское крестьянство на активное преобразование своего архаичного, многовекового уклада жизни. Огромную роль в пробуждении эфиопского крестьянства сыграли органы самоуправления в сельской местности, крестьянские ассоциации, впервые созданные в начале мая 1975 года.

Местная пресса, радио постоянно сообщали о росте числа крестьянских объединений. К середине мая их было уже 1300, а к концу месяца прибавилось еще две тысячи. А всего к началу августа насчитывалось почти 16 тысяч ассоциаций, объединивших более трех миллионов крестьянских хозяйств.

Это была огромная победа. Практически за три месяца половина крестьян страны приняла участие в создании рожденных революцией народных, самоуправляющихся органов власти. Особенную активность проявили земледельцы провинций Шоа, Уоллега, Арси, Сидамо, Каффа, Иллубабор, где большинство из них раньше были арендаторами.

К первой годовщине аграрной реформы крестьянские ассоциации были созданы почти во всей сельской Эфиопии (за исключением провинции Эритрея), в их комитеты избрали сотни тысяч местных активистов. На 4 марта 1976 года, по данным Министерства сельского хозяйства, 5290 тысяч пахарей и более 80% всех крестьянских дворов объединились в 21 437 ассоциаций.

Феодальные порядки в деревне были ликвидированы, власть на местах перешла в руки народа, его выборных представителей. И хотя предстояла серьезная борьба за обновление сельской жизни, развитие крестьянского хозяйства, политическое просвещение миллионов людей — битва за землю была выиграна.

VI.

Битва за города

26 июля 1975 года была обнародована еще одна радикальная реформа — национализировались городские земли и доходные дома. Ее значение для горожан (10% населения страны) трудно переоценить.

Лучшие городские территории, прежде всего в Аддис-Абебе, принадлежали раньше императорской семье, аристократам, высшим чиновникам и крупным бизнесменам. Только в столице они владели 41,5 миллиона квадратных метров земли. Частное землевладение, спекуляция участками, постоянный рост ренты за жилье породили в городах слой паразитов, выкачивающих из нищего люда огромные барыши, обирающих казну.

В связи с быстрым ростом населения Аддис-Абебы (1961 г. — 444 тысячи жителей, 1967 г. — 645 тысяч, 1974 г. — более 1 миллиона) этот своеобразный городской феодализм стал невыносимым бременем для города, его развития.

Любая новая стройка требовала от городских властей огромных дополнительных средств на покупку земли или выплату аренды ее владельцам. А цены поднимались в бешеном темпе; если 15—20 лет назад один квадратный метр городской земли стоил 25—

40 центов, то к 1974 году кое-где цена подскочила до 200—300 долларов — рост почти тысячекратный!

Каждому побывавшему в Аддис-Абебе бросается в глаза странное, даже в центре, чередование густозастроенных участков и пустырей, где нередко пасутся коровы, овцы, ослы. Эти «пасторальные» проплешины городского ландшафта — прямое следствие старой системы землевладения. Хозяева этих участков (самые денежные люди Эфиопии) не спешили сдавать их под застройку — ждали особо выгодной сделки, миллионных доходов в будущем.

На пресс-конференции в 1978 году мэр Аддис-Абебы рассказал, как многие годы муниципалитет пытался найти участок для нового стадиона, но так ничего и не добился — вся земля была расхватана — то принцессой А, то расом Б, то министром В и т. д. А миллионами долларов на ее покупку городские власти не располагали.

Бесчисленное число афер проделывали владельцы земли и доходных домов. Достаточно было через участок такого «городского помещика» задумать провести шоссе или водопроводную магистраль, как цена его возрастала в несколько раз.

Этот циничный паразитизм существовал рядом с тяжелейшей жилищной нуждой, обширными районами страшных трущоб, тысячами тукулей — глиняными мазанками с остовом из жердей и хвороста. Как живут сотни тысяч простых горожан, где они ютятся, сколько денег выколачивают из их нищенского бюджета хозяева земли и домов — эти

вопросы никого не волновали в императорской Эфиопии.

А положение рядового горожанина с каждым годом ухудшалось. Хронической была нехватка питьевой воды, какое-либо строительство домов для трудящихся вообще не планировалось. Две трети всех семей в столице снимали лачуги, комнаты, углы. То же происходило и в большинстве других городов: сотни тысяч семей отдавали домовладельцам 20—30% своих месячных доходов. И львиная доля этих поборов шла в карманы богатейших семейств империи.

Подобным бизнесом промышлял и сам император, его генералы, министры, губернаторы. Только от сдачи в наем принадлежащих им доходных домов члены императорской семьи ежегодно получали около миллиона эфиопских долларов.

Месфин Селеши, губернатор провинции Шоа, с миллиона квадратных метров столичной земли пожинал ежегодно более двухсот тысяч долларов ренты.

С облегчением встретил трудовой люд эфиопских городов декрет 26 июля. В передовой статье газеты «Эфиопиен Геральд» писалось в тот день: «С национализацией городских земель, провозглашенной Временным военным правительством, нанесен завершающий удар лендлордизму в Эфиопии... Закончена эра беспрецедентной эксплуатации и несправедливости».

46 статей этого декрета определили порядок пользования национализированной землей в городах, передали бывшие доходные дома во владение местных органов власти, ассо-

циаций городских жителей («кебеле»). Каждая семья могла иметь лишь один дом. Устанавливался максимальный размер земельного участка — 500 квадратных метров. Аннулировались все обязательства съемщиков по отношению к бывшим домовладельцам. Резко сокращалась плата за жилье в национализированных домах — для лиц с низким доходом (три четверти городских семей) вдвое, для более обеспеченных от 40 до 15 процентов. Земля национализировалась безо всякого выкупа, а за изъятие дома выплачивалось возмещение.

Одновременно с ликвидацией старых порядков в городах образовывались новые демократические органы власти местного самоуправления. Ассоциации городских жителей охватывали несколько кварталов с населением примерно от 2 до 4 тысяч человек. (Амхарское слово «кебеле» — квартал, микрорайон, стало общепринятым названием этих ассоциаций).

Общее собрание жителей «кебеле» старше 18 лет выбирало исполнительные органы — политический комитет (15 человек), исполком (7 членов), комитеты общественной безопасности (3 человека), инспекции и юридический. Кроме того, в зависимости от нужд той или иной общины, создавались подкомитеты по строительству, образованию, спорту и т. п.

Для кандидатов в руководящие комитеты «кебеле» закон требовал соблюдения ряда условий. Они должны быть сторонниками национально-демократической революции и признавать ее цели и программу, быть честными и трудолюбивыми людьми, ставящими общественные интересы выше личных.

Такая система демократически избранных органов самоуправления вовлекала в активную деятельность сотни тысяч горожан. По всей стране было создано около полутора тысяч городских ассоциаций. В средних и крупных городах (их насчитывается 23) образована трехступенчатая система управления — несколько «кебеле» (от 2 до 15) объединяются в «высшие кебеле», а они, в свою очередь, в центральную ассоциацию по одной на город.

Формирование «кебеле», определение их функций, политической направленности их деятельности, подбор и воспитание местных лидеров и активистов проходило в острой классовой борьбе как со сторонниками старого режима, открытой белой реакцией, так и с анархистскими левацкими элементами. Особенно остро эти противоречия проявились в Аддис-Абебе, где сосредоточено около половины горожан всей страны — 1,2 миллиона человек, по данным 1978 года. Население столицы характеризуется чрезвычайной пестротой и по национальному составу, и по уровню жизни, образования, занятиям. Здесь сконцентрирована подавляющая часть местной интеллигенции, студенчества, чиновников, дельцов и торговцев, старой знати. Спасаясь от гнева крестьян, в Аддис-Абебу сбежало большинство помещиков из сельской местности.

Одновременно Аддис-Абеба (как и большинство других городов Тропической Африки) — прибежище сотен тысяч люмпен-пролетариев, людей без постоянной работы, без специальности и элементарного образования, нередко без жилья. Тысячи нищих, проститу-

ток, чистильщиков ботинок, бродячих лотошников, торговцев лотерейными билетами, газетами, копеечными сувенирами наполняют улицы столицы, ютятся в немыслимых трущобах, нередко ночуют прямо на мостовой под навесами автобусных остановок, в закоулках Меркато — рыночного района столицы. Вечная нищета, беспросветность жизни и отчаяние порождают немало уголовных элементов среди этих парий большого феодально-капиталистического города.

И не случайно при формировании местных органов власти в таком разнородном городе, как Аддис-Абеба, возникали серьезные конфликты. В некоторых «кебеле» к руководству пробрались вчерашние домовладельцы, замаскировавшиеся контрреволюционеры. В других — таких было больше — под завесой демагогических лозунгов и «архиреволюционной» фразеологии, используя политическую незрелость населения, власть взяли левацко-анархистские элементы. И правые, и леваки, каждый на свой лад, а иногда и единым фронтом, пытались использовать «кебеле» для борьбы с Дергом.

Сторонники прежнего режима затягивали передачу доходных домов ассоциациям, помогали фиктивно оформлять недвижимое имущество бывших владельцев на имя разных родственников и подставных лиц, ничего не делали для реального улучшения жилищных условий бедноты и т. п.

Леваки, наоборот, в своих «кебеле» проводили незаконные реквизиции, запрещали розничную торговлю, устанавливали собственное «законодательство», не гнушаясь открытыми

грабежами и даже убийствами. Особенно рьяно они использовали молодежь из среды люмпен-пролетариата, на вербовав прежде всего из нее террористические группы ЭНРП, развязавшие белый террор в 1976 году.

Действия реакционеров и псевдореволюционеров вели к одному результату — срыву демократических реформ, искусственному раздуванию недовольства населения, новым экономическим трудностям. Положение усугублялось тем, что среди некоторых членов Дерга, как показали последующие события, имелись сторонники и правых, и левацких противников эфиопской революции.

«Реакционеры, проникшие в профсоюзы и «кебеле», создают беспорядки и разброд, хотят повернуть вспять ход революции. Они голосят, проливая крокодиловы слезы: «Ведь сказано, что власть принадлежит народным массам. Чего же вы ждете? Забирайте чайные, транспорт, мельницы, лавки и все подобное». Такая агитация и соответствующие действия создают благоприятную обстановку для реакционеров, желающих вернуть старые порядки», — отмечалось в одном из заявлений Дерга в апреле 1976 года.

Однако решимость и смелость здоровых сил революции противостояли подрывным действиям. Образованные при «кебеле» отряды самообороны и рабочей милиции на предприятиях совместно с регулярными вооруженными силами постепенно установили действенный контроль в городе, обеспечили революционный порядок и проведение в жизнь декретов и решений правительства. Систематические поиски и конфискация оружия и боеприпасов

в городе, строгое соблюдение комендантского часа, патрулирование улиц затруднили действия контрреволюционеров и террористов, сорвали их планы.

Но решающим фактором, определившим исход борьбы в городах, была бескомпромиссная борьба новых властей с социальными паразитами, стремление облегчить жизнь трудового люда. Значительное сокращение квартплаты сопровождалось сооружением дешевых, но вполне благоустроенных домов для рядовых горожан. Начали появляться жилищные кооперативы, банки стали выдавать ссуды на строительство домов, муниципальные советы и «кебеле» выделяли для этих же целей земельные участки. Бывшие усадьбы вельмож заняли воспитательные учреждения для беспризорных детей, где эти «отверженные» получили возможность жить по-человечески, учиться, стать полноценными гражданами своей обновленной родины.

Впервые были предприняты реальные (а не псевдореволюционные «отбирай у всех все и дели на всех поровну!») меры для разрешения труднейшей проблемы люмпен-пролетариата. Бездомных и нищих стали приобщать к полезному труду, обучать грамоте, ремеслам и профессиям, предоставлять им постоянную работу, оказывать медицинскую помощь и т. д.

В меру возможностей «кебеле» развернули борьбу с безработицей. Только лишь муниципалитет столицы принял в свои строительные, ремонтные и другие отряды более 7 тысяч горожан.

Национализация городских земель сбросила множество оков, тормозивших развитие и

рост Аддис-Абебы. На месте старой площади Маскаль возникла новая огромная площадь Революции, прокладывались асфальтированные новые улицы, коренной реконструкции подверглась водопроводная сеть и т. п. Почти в каждом «кебеле» на незастроенных участках молодежь сооружала спортплощадки, футбольные поля, дома для собраний и выступлений самодеятельности.

Львиную долю забот по поддержанию порядка в городе, борьбе с терроризмом, саботажем и уголовными элементами, по контролю над ценами, обеспечению населения жильем, медпомощью, товарами первой необходимости, обучению детей, ликвидации неграмотности взяли на себя ассоциации городских жителей. Они в значительной степени заменили старое чиновничество, освободили горожан от произвола ростовщиков, торговцев, домовладельцев. Новые органы самоуправления стали проводниками революционно-демократических идей, политическими воспитателями сотен тысяч граждан; они разъясняли массам важность прогрессивных реформ и привлекали их к активному участию в радикальной перестройке жизни страны.

VII.

Цель революции — социализм

Размах и глубина революционных преобразований, становление новых демократических форм власти в деревнях и городах, острота классовых столкновений четко продемонстрировали — революция в стране вышла далеко за рамки антифеодальных мер. Все насущнее становилась необходимость выработки стратегического курса борьбы со всякой эксплуатацией, дальнейшего развития эфиопского общества. Эта потребность прогрессивного движения страны нашла свое выражение в провозглашенной 20 апреля 1976 года Программе национально-демократической революции.

Вечером того дня вся Аддис-Абеба сидела у радиоприемников и нескольких тысяч телевизоров, имевшихся в столице. По национальному радио и телевидению выступал лидер новой Эфиопии майор Менгисту Хайле Мариам. Он объявил о принятии Дергом «Программы национально-демократической революции», в которой были сформулированы цели и пути будущего развития Эфиопии. Тот факт, что программную речь произносил Менгисту Хайле Мариам, бывший еще заместителем председателя ВВАС, свидетельствовал об укреплении позиций последовательно революционного ядра Дерга, отражал ведущую роль

майора и его ближайших сподвижников в радикализации, в углублении процесса социальной перестройки древнего государства.

Майор Менгисту подчеркнул, что реформы, проведенные новым режимом за полтора года его существования, полностью преобразили политическую структуру Эфиопии. Однако логика социальной революции, интересы народных масс требовали углубления классовой борьбы, новых политических лозунгов.

В отличие от декабрьской декларации 1974 года в новой программе говорилось не об «эфиопском», а о научном социализме, положения которого должны быть применены к конкретным условиям Эфиопии. Подчеркивалась также особая, ведущая роль рабочего класса, значение его партии.

«Полностью освободить Эфиопию от феодализма, империализма и бюрократического капитализма и объединенными усилиями всех антифеодальных и антиимпериалистических сил построить новую Эфиопию, заложить прочный фундамент для перехода к социализму», — гласил первый параграф программы.

Политической целью Военного правительства объявлялось создание на основе союза рабочих и крестьян при участии мелкой буржуазии и других прогрессивных сил народной демократической республики. «После того, как народные массы будут организованы и народный революционный фронт сформирован, будет учреждена Ассамблея, которая возьмет на себя государственную власть. Она будет состоять из представителей партий и других массовых организаций, вошедших в

фронт. В соответствии с конституцией, которую примет Ассамблея, будет провозглашена Народная Республика Эфиопия под руководством партии рабочего класса», — говорилось в заключительной части программы.

Значительное место в ней уделялось мерам по экономическому развитию, повышению жизненного уровня населения, созданию новой системы народного образования и здравоохранения. Впервые провозглашалось право национальностей, а их в стране более полусотни, на местную автономию, развитие своих обычаев, языка, культуры.

Программа специально подчеркивала, что нынешний этап революции — **национально-демократический**, и нельзя игнорировать, а тем более подавлять интересы мелкобуржуазных слоев, а также тех представителей национальной буржуазии, которые, занимаясь индивидуальным предпринимательством, «способствуют общему развитию национальной экономики». Буквально через день ВВАС выступил с заявлением, предупреждающим, что будут приняты решительные меры против тех, кто в нарушение декларации об экономической политике попытается незаконно экспроприировать частные предприятия, создавать искусственные препоны в их деятельности. «Всем, кто занимается частным бизнесом в соответствии с законами и правилами, установленными революцией, должна быть обеспечена соответствующая безопасность и защита», — отмечалось в заявлении.

Эти шаги ВВАС были предприняты, чтобы не допустить экономического хаоса, разоблачить опасный характер анархистской агитации

агентуры ЭНРП прежде всего среди люмпен-пролетариата, деклассированных элементов.

В эти апрельские дни было создано Временное бюро по организации народных масс, задачи которого определялись программой — распространять идеи научного социализма, всемерно способствовать антифеодальной, антиимпериалистической борьбе трудящихся масс, содействовать формированию народного фронта, находить конкретные пути и формы дальнейшего развития революционного движения в стране. Открылась политическая школа для подготовки пропагандистских кадров, углубленного изучения марксизма-ленинизма. На фабриках и заводах образовались «революционные форумы», на которых рабочие дважды в неделю обсуждают текущие события, решения правительства, знакомятся с социалистической идеологией.

Принятая программа еще раз показала народу Эфиопии, что цель Военного правительства — революционная перестройка страны, защита интересов трудящихся от контрреволюции, от реставрации старых порядков. Это выбивало почву из-под ног противников Дерга, внутренних и внешних, которые пытались представить военный режим как некую хунту, захватившую власть ради власти.

Консолидация революционных сил, успешное проведение реформ, открытый выбор социалистического пути, а также укрепление всесторонних связей со странами социалистического лагеря и революционно-демократическими африканскими государствами вызвали у врагов революции новый приступ злобы, бесенного сопротивления.

Классовая борьба принимала все более острый характер. Этот процесс отразился даже в рядах Дерга. В нем была разоблачена группа во главе с майором Сисаем Хабте — председателем комитета по иностранным делам, который, делая ставку на западные державы, был связан с империалистической агентурой, препятствовал установлению тесных отношений с социалистическими странами. После открытого провозглашения Военным правительством ориентации на социализм майор Сисай и его приверженцы начали тайную подготовку контрреволюционного переворота. Они нашли поддержку у командующего вооруженными силами в Эритрее бригадного генерала Гетачеу Надеу, в распоряжении которого находились многочисленные армейские подразделения. Но осуществить план переворота им не удалось — в июле 1976 года заговор был раскрыт.

Монархическая реакция объединилась в так называемый Эфиопский демократический союз (ЭДС), патроном которого стал «испытанный демократ» бывший наследный принц, старший сын Хайле Селассие Асфа-Воссен, нашедший прибежище в Лондоне. Возглавляли этот черносотенный союз бежавшие от революционного возмездия бывший губернатор провинции Тигре рас Менгеша Сейюм (правнук императора Йоханнеса) и генерал Нега Тегегнье, женатый на родственнице Хайле Селассие.

Сколотив банду из бывших помещиков, офицеров и чиновников-монархистов, они развернули подрывные действия, особенно активные в провинциях Годжам, Гондар и Тигре. На иностранные деньги они начали

формирование воинских групп на территории Судана, которые перебрасывали затем в Эфиопию.

Они пытались вербовать в свои отряды недовольных реформами бывших привилегированных людей. Кое-где обманом или угрозами им удавалось вовлечь в свои ряды и часть местных крестьян.

Эти монархические банды убивали представителей новых властей, активистов крестьянских ассоциаций и городских «кебеле», взрывали мосты, сжигали школы, устраивали засады на дорогах.

Но монархистам не удалось создать сколько-нибудь прочных очагов сопротивления. Их военная активность быстро упала. Население отказывалось поддерживать бывших вельмож. Десятки крестьян, бывших участников банд, сбитых с толку религиозно-монархической фразеологией и лживой пропагандой, все чаще и чаще с оружием в руках приходили с повинной. И одновременно нарастал обратный процесс — укреплялись крестьянские ассоциации, росли ряды и боевая выучка народной милиции.

В городах ЭДС имел еще меньшую поддержку — с его ретроградными лозунгами невозможно было высунуться на улицу. Но тайные группы монархистов в госаппарате, среди дельцов и торговцев пытались саботировать новые реформы, создавали всякого рода трудности и препоны в ведении хозяйства, снабжении, стремясь вызвать недовольство горожан. Бывали периоды, когда на рынках и в магазинах пропадали самые насущные товары — то тефф (очень мелкое зерно, кото-

рое идет на приготовление эфиопского хлеба — инжеры), то соль, то спички, то красный перец. Красный перец растет в Эфиопии чуть ли не повсеместно. И молотый, и в стручках он необходимый компонент любого блюда местной кухни. Даже в самом бедном доме всегда найдется горстка бербере — красного перца, любимой приправы. И вот стоимость его за несколько месяцев выросла чуть ли не в десять раз. Представители столичной комиссии по контролю за ценами стали доискиваться причин непонятного «перечного кризиса» и вскоре обнаружили их.

У нескольких оптовых торговцев нашли склады запятанного перца. Запасы его достигали многих тысяч центнеров! Расчет был верный — создать искусственный дефицит на рынке, поднять цены и баснословно нажиться. Однако главный мотив этой «перечной аферы» был политический: организовать нехватку нужного товара, вздуть на него цены и вызвать протест населения — испытанный способ экономического саботажа. Военное правительство остро реагировало на эти провокационные действия — нескольких торговцев судили и расстреляли как опасных контрреволюционеров.

С самого начала революции реакция рассчитывала на расколы внутри армии и Дерга, на борьбу различных левых группировок, конфликты между военными, студенчеством и профсоюзами, между различными религиозными и национальными группами. Предпринимались попытки повторить чилийский вариант подавления революционного движения в Эфиопии.

Известны факты, когда дипломатические и иные представители империалистических держав финансировали террористические банды, поддерживали врагов революции. Немалые старания приложило к этим делам и ЦРУ.

Особые надежды реакция возлагала на мелкобуржуазную анархистско-левацкую подпольную группу, назвавшую себя Эфиопской народно-революционной партией (ЭНРП), возникшую еще до революции на базе студенческих кружков и руководимую вернувшимися из эмиграции эфиопами, большей частью также студентами. Значительная роль в формировании этой подрывной группировки принадлежит эритрейским сепаратистам, имевшим широкую сеть агентуры в Аддис-Абебе. Для осуществления их раскольнических планов ослабления и дезорганизации центральных властей страны им была нужна обстановка хаоса, бесконечных конфликтов и распрей. Не случайно ЭНРП почти всегда поддерживала требования сепаратистов об отторжении Эритреи от Эфиопии.

Отсутствие в стране революционной политической партии, идейная и практическая неискушенность эфиопской молодежи, головокружение от первых успехов революции, левацкие лозунги бунта и анархии, стремление части молодежи под влиянием маоистской литературы «одним махом» очутиться в социализме и некоторые другие факторы привели к тому, что ЭНРП приобрела известное влияние в столице и некоторых других городах. Этому способствовало широкое использование агентурой ЭНРП марксистской терминологии,

весьма произвольно прикладываемой к эфиопской действительности.

ЭНРП заявляла, к примеру, что армия, как порождение эфиопского самодержавия, не способна возглавлять революцию, а власть надо немедленно передать некоему «народному правительству». Это требование было выдвинуто чуть ли не на второй день после свержения Хайле Селассие. Под завесой сверхреволюционных «народных» лозунгов велась атака на Дерг и армию, единственную в Эфиопии реальную силу, способную добить феодализм, сломать монархическое государство, защитить территориальную целостность страны и подавить вооруженное сопротивление реакции.

Эти псевдореволюционеры играли на руку реакционным кругам, пытаясь бороться с Дергом, другими прогрессивными группами и организациями за влияние на студенчество, рабочих, часть крестьянства. Но везде рано или поздно ЭНРП терпела поражение, оказывалась в изоляции. Неспособные включиться в прогрессивный процесс создания новой Эфиопии, главари ЭНРП перешли к террору, к убийствам членов Дерга, лидеров профсоюзов, «кебеле», представителей Временного бюро по организации народных масс.

Более года — с июля 1976 года по ноябрь 1977 года на улицах Аддис-Абебы чуть ли не ежедневно раздавались выстрелы террористов. Главной мишенью преступников был лидер революции подполковник Менгисту Хайле Мариам. Вечером 23 сентября 1976 года, возвращаясь на вездеходе с работы домой, он чудом избежал смерти. Вооруженные автомата-

ми и гранатами анархисты засели по обе стороны улицы и изрешетили вездеход. Менгисту был легко ранен в бедро, один из его попутчиков, находившийся в машине, получил тяжелые ранения.

На другой день подполковник выступил на пресс-конференции, где заявил, что белый террор не остановит революционное движение, что его лидеры не боятся смерти и будут вести борьбу до полной победы народных масс против реакционеров и анархистов.

В первых числах октября террористы убили видного члена Временного бюро по организации народных масс Фикре Мерида. Жертвой их пали многие активисты городских «кебеле». Два первых председателя Всеэфиопского профсоюза Теводрос Бекеле и Темесген Мадобо, первый революционный губернатор столичной провинции Шоа Макконен Джоте погибли от пуль наемных убийц.

Велик список жертв белого террора 1976—1977 годов. Все чаще на огромной площади Революции проходили траурные прощания с видными борцами за новую жизнь. Росло число могил на городском кладбище. Ряды мраморных плит, на которых вырезаны серп и молот, образовали революционный пантеон героев и мучеников новой Эфиопии.

Решительная борьба с террористами, анархистами, сепаратистами и другими контрреволюционными элементами затруднялась разногласиями внутри Дерга, капитулянтско-соглашательской линией некоторых его членов. «Руки и ноги Военного правительства были крепко связаны в последние четыре месяца из-за действий нескольких рекрутов ЭНРП и

ЭДС и империалистических сил в его составе», — отмечалось в заявлении ВВАС в феврале 1977 года. Дело дошло чуть ли не до открытого признания авантюристов из ЭНРП. 29 января 1977 года тогдашний председатель ВВАС бригадный генерал Тефери Банти выступил с речью на массовом митинге в Аддис-Абебе, фактически призывая к объединению с ЭНРП, то есть с террористами.

Пытаясь оправдать свою позицию, Тефери Банти говорил об угрозе независимости и целостности Эфиопии, нависшей извне. Такая опасность была реальной. Усиливалось сепаратистское движение в Эритрее, активно финансируемое и снабжаемое некоторыми арабскими реакционными режимами. Все более нарастало давление со стороны Сомали, правители которого считали, что близок благоприятный момент для осуществления их территориальных претензий на Огаден и другие земли на юго-востоке.

Однако группа генерала Тефери Банти, члена ВВАС лейтенанта Алемайеху Хайле и их сторонники, пытаясь уничтожить революционное ядро Военного правительства, возглавляемого Менгисту Хайле Мариамом, противопоставляла борьбу с внешней опасностью борьбе с контрреволюцией внутри страны, в то время как реальная диалектика революционного процесса требовала объединения, а не противопоставления двух фронтов. Именно энтузиазм, активность народных масс, развернувшиеся в ходе революционных реформ, борьба с реакцией могли и должны быть всячески усилены и использованы как для закрепления и углубления прогрессивных ре-

форм, так и для защиты своего революционного отечества.

Одновременно с раскольническо-предательскими действиями внутри Дерга в Аддис-Абебе нарастала волна спровоцированных беспорядков в школах и на улицах. Террористы держали в страхе население многих «кебеле», нередко учиняя зверские расправы. Тайный агент ЭНРП Гирма Кебеде, пробравшийся к руководству одной из городских ассоциаций, застрелил более двадцати человек, в том числе шестерых рабочих-печатников. В первые два дня февраля волна терроризма резко усилилась. В средней школе «Медхане Алем» группа анархистов повесила студента, были убиты постоянный секретарь Министерства культуры, спорта и по делам молодежи Цегайе Дебалке, четыре руководителя «кебеле». Из арсенала полицейского колледжа в Сендафо было похищено оружие. В столице зрел большой заговор. Необходимы были срочные и решительные меры.

3 февраля 1977 года наиболее опасный заговор против революционного курса страны был сорван.

4 февраля сотни тысяч жителей Аддис-Абебы собрались на площади Революции, чтобы выразить поддержку решительным мерам, предпринятым против предателей и капитулянтов. Обращаясь к народу, Менгисту Хайле Мариам заявил — революция переходит от обороны к наступлению, массовому вооружению трудящихся, решительной борьбе с контрреволюцией. «Мы полностью уверены в конечной победе, но мы не сможем завоевать ее без борьбы и жертв. Впереди нас ожидает

период трудных схваток, требующий от каждого эфиопского гражданина мужества, целеустремленности и самопожертвования».

Выступивший на митинге председатель Всеэфиопского профсоюза отметил, что «в нашем обществе идет острая классовая борьба и ВВАС не свободен от ее проявлений... Переход некоторых членов Дерга из революционного в контрреволюционный лагерь не может быть объяснен иначе, как усилением классовой борьбы». Он призвал к укреплению единства всех прогрессивных сил и к созданию партии рабочего класса — «гаранта успеха нашей революции». Под лозунгом «Революционная родина или смерть» прошел этот народный митинг в критические часы жизни новой Эфиопии.

С воскресенья 5 февраля началась раздача оружия рабочим отрядам на предприятиях, в крестьянских ассоциациях, группам самообороны в «кебеле». 11 февраля Менгисту Хайле Мариам был избран председателем ВВАС, опубликован новый закон, определяющий права и обязанности этого высшего органа власти в стране и его председателя — главы государства и главнокомандующего вооруженными силами.

Собрание всех членов ВВАС (их в 1977 году насчитывалось около восьмидесяти человек), Конгресс Дерга — высший орган власти, определяющий внутреннюю и внешнюю политику страны, утверждает бюджет и планы экономического развития, отвечает за оборону страны, состояние ее вооруженных сил, ратифицирует международные договоры и соглашения, назначает и избирает руководст-

во Дерга. Из своего состава Дерг выбирает Центральный комитет из 32 человек, а из их числа Конгрессом ВВАС избираются 16 членов Постоянного комитета.

Выступая 12 февраля на очередном выпуске военной школы в Генете, председатель ВВАС подполковник Менгисту Хайле Мариам призывал армию и вооруженный народ разгромить внутреннюю контрреволюцию, дать отпор внешней агрессии. «Бездействовать, — сказал он, — когда наши враги из ЭДС, Эритрейского фронта освобождения (ЭФО), ЭНРП организуют заговоры против нашей революции и единства под покровительством и при поддержке империалистов, координируя свои усилия с реакционными правителями в соседних странах, значит пренебрегать нашей ответственностью и исторической обязанностью перед народом Эфиопии».

С февраля — марта, после заявления ВВАС, что «Аддис-Абеба не будет больше оплотом контрреволюционеров», начались широкие операции по поиску складов оружия и боеприпасов, ликвидации террористических банд и анархистских групп.

Армейские патрули, члены отрядов самообороны, «кебеле», представители народной милиции, профсоюзов провели сплошной, от дома к дому, розыск оружия, взрывчатки, подпольной, подрывной литературы. Были арестованы или убиты во время перестрелок несколько вожakov анархистско-террористических групп, обнаружено самое разнообразное оружие — от миниатюрных пистолетов до пулеметов, большие запасы боеприпасов.

Подобные операции проводились и в других

городах и районах. В столице провинции Волло г. Дессие было найдено 477 ружей, 357 пистолетов, три пулемета. Усилилась борьба с вооруженными бандами феодалов, анархистов, сепаратистских группировок и уголовников в сельских районах. Массовое участие в ней приняли отряды народной милиции, которые стали действенным орудием защиты революции.

Даже в самый разгар операций по подавлению контрреволюционного подполья, террористических банд не прекращалась активная политическая, идейная работа по разоблачению врагов революции, по переубеждению заблуждающихся. Характерна в этом отношении большая статья-обращение «К молодежи, обманутой анархистской группой», опубликованная в конце февраля в «Аддис Земен» и «Эфиопиен Геральд». Статья подробно раскрывала реакционную суть псевдореволюционеров, чьи действия вели к гибели революционного движения, реставрации старых порядков и расчленению Эфиопии. «Пришло время решения для всех, кто заблудился, присоединившись к этой контрреволюционной группе. Революция продемонстрировала свое терпение, но оно не может быть вечным... Однако все имеют возможность осознать свои ошибки и присоединиться к революционному лагерю». И надо сказать, что многие тысячи юношей и девушек последовали этому призыву. Влияние ЭНРП, левацко-анархистских групп резко уменьшилось.

В эти трудные для эфиопской революции дни, когда реакция делала отчаянные усилия, чтобы ввергнуть страну в хаос, когда особен-

но злобно атаковала новую Эфиопию, клеветала на действия ее властей вся империалистическая пропаганда, большую роль в морально-политической поддержке всех революционно-демократических сил страны сыграл визит в марте 1977 года выдающегося борца с империализмом, Первого секретаря ЦК Компартии Кубы, Председателя Государственного совета и Совета Министров Республики Куба Фиделя Кастро.

Непосредственное знакомство с ходом и достижениями эфиопской революции убедило кубинских товарищей, что перемены в стране носят подлинно народный и революционный характер. «Мы уверены, что успех и укрепление эфиопской революции имеют чрезвычайное значение для Африки», — заявил Фидель Кастро. Подобная оценка разоблачала клеветническую кампанию против Дерга.

Радикализация революционного процесса сопровождалась значительной внешнеполитической переориентацией страны. Прежде эфиопская армия почти на сто процентов зависела от поставок оружия, техники, снаряжения, прежде всего от США и Англии, других стран — членов НАТО. Правительства этих стран под разными предлогами, а по сути из-за прямой враждебности новому режиму, сократили, а то и полностью прекратили эти поставки. Одновременно находившиеся в Эфиопии военные атташе империалистических стран, офицеры-советники, остававшиеся здесь еще по соглашениям времен Хайле Селассие, нередко помогали контрреволюционным элементам, вели шпионскую деятельность.

В апреле 1977 года Дерг принял решительные меры, закрыв военную миссию США, полностью прекратив функционирование американской военной базы в Асмаре. Было предложено покинуть страну военным атташе США, Англии, ФРГ, Египта. Выселялась из Аддис-Абебы и главная американская пропагандистская контора в Эфиопии — крупное отделение ЮСИС — Информационной службы США.

Лидеры Эфиопии все более и более четко понимали, что в труднейшей обстановке борьбы с внешней империалистической агрессией, ее внутренней агентурой — их естественными союзниками могут выступать Советский Союз, социалистические страны, верные своему интернациональному долгу поддержки и помощи освободительным движениям. С самого начала Советский Союз приветствовал революционные преобразования Эфиопии. Все последующие годы шел процесс более тесного сотрудничества двух стран, укрепления дружеских связей между ними.

Большое значение для советско-эфиопских отношений имел визит главы государства и правительства Эфиопии подполковника Менгисту Хайле Мариам в СССР в мае 1977 года. Это был первый официальный визит председателя ВВАС за границу. После плодотворных, дружеских переговоров с Л. И. Брежневым, другими советскими руководителями были подписаны совместная Декларация об основах дружеских взаимоотношений и сотрудничества, протокол об экономической и технической кооперации. В заключительном коммюнике об итогах визита выражалась пол-

ная поддержка Советским правительством и народом эфиопской революции, отмечалось, что этот визит явился важным вкладом в дружеские связи и сотрудничество между Советским Союзом и Эфиопией.

Вернувшись из Москвы в Аддис-Абебу, председатель ВВАС в заявлении для прессы на аэродроме исключительно высоко оценил значение растущего сотрудничества между двумя странами. Он подчеркнул особую важность исторического революционного опыта и помощи Советского Союза для успеха преобразований в Эфиопии.

Расширились и укрепились связи Эфиопии с другими социалистическими странами, особенно с Кубой и ГДР. Всесторонняя поддержка революционного режима многими социалистическими государствами сыграла важную роль в самые трудные периоды его существования, особенно в месяцы огаденской войны, когда под угрозой оказалась сама целостность и существование Эфиопии, которую пытались разорвать на части внешние и внутренние враги.

VIII.

Испытание огнем

1977 год был критическим для эфиопской революции. Бои развернулись на многих фронтах — как внутренних, так и внешних.

Местные контрреволюционные группы объединились с империалистическими кругами, реакционными арабскими режимами, сомалийскими националистами и с эритрейскими сепаратистами в общем стремлении задуть революционное движение, расчленить древнюю страну.

Они надеялись на раскол в армии, межнациональную и племенную рознь, на трудности с вооружением и снаряжением армии после прекращения поставок из США и высылки из страны американских военных специалистов. Не последнее место в этих расчетах занимали надежды на помощь со стороны части старого эфиопского офицерства, дворянства и бюрократов из госаппарата.

Наступательные операции развернули эритрейские сепаратисты, контролировавшие значительную часть территории провинции и взявшие в 1977 году город Тесеней — важный транспортный центр на суданской границе, а также несколько других городов.

Однако главный удар по Эфиопии был нанесен с юго-востока и юга регулярной сомалийской армией.

Между Сомали и Эфиопией давно шел многолетний территориальный спор, доходивший иной раз до вооруженных столкновений. Его истоки — в колониальных захватах на Африканском Роге в конце XIX века, когда Италия, Англия и Франция, заняв все прибрежные области, лишили Эфиопию выхода к морю. Границы рассекли многие народности и племена. Так, кочевые сомалоязычные племена оказались жителями не только Сомали, но также юго-восточной Эфиопии (Огаден), северо-восточной Кении, Джибути.

Подобное положение сложилось не только в этом районе Африки, но и по всему континенту. И чтобы не допустить бесконечных войн между независимыми африканскими государствами из-за спорных границ и народностей, разделенных былыми колониальными границами, Организация африканского единства провозгласила в своей Хартии, принятой в 1963 году, принцип отказа от применения силы для разрешения пограничных споров между странами — членами ОАЕ, признала существующие границы нерушимыми. Этот курс на обеспечение мира в Африке, стабилизацию взаимоотношений между десятками независимых государств в значительной степени помог народам Африки избежать многих конфликтов и кровопролитий, помог и помогает общей борьбе за полное освобождение континента от колониализма и расизма.

Однако националистически настроенные лидеры Сомали не удержались от соблазна от-

хватить часть Эфиопии, надеясь, что в период острой внутренней борьбы в стране, коренных социальных перемен, перехода армии на использование новой военной техники они не встретят серьезного сопротивления своей агрессии. Правителей Могадишо подтолкнули на эту гибельную авантюру американские «ястребы» и арабские реакционеры.

В журнале «Ньюсуик» от 26 сентября 1977 года, когда уже в Огадене шли бои, были опубликованы материалы об обещаниях Вашингтона, подтолкнувших сомалийское правительство на решение бросить свою армию против революционной Эфиопии.

Стало известно, что через доктора Кевина Кахилла, долгое время бывшего личным врачом президента Сомали Сиада Барре, госдепартамент заверил, что ему будет поставляться оружие и что он может начать действовать в Огадене.

«Сомалийцы заявляют, — писал «Ньюсуик», — что они начали тотальное вторжение в отдаленный район Эфиопии в июле потому, что рассчитывали на американскую военную помощь, и потому, что получили секретное послание из США, которое оценили как одобрение завоевания ими этого района». Перед самым началом войны Сиад Барре нанес визит в Саудовскую Аравию, где его также заверили, что деньги и оружие для войны с Эфиопией он получит. Обещал поставлять оружие Сомали и Китай.

В 3 часа ночи 23 июля регулярные части сомалийской армии вторглись в Эфиопию. Танковые колонны, мотопехота, артиллерийские дивизионы по заранее подготовленным

планам атаковали опорные пункты эфиопской армии в Аваре, Вардере, Мустахиле, Кебри-Дехаре, Дегехбуре и повели наступление на главную военную базу в Огадене — город Джиджигу. Основной целью огаденского блицкрига сомалийцы поставили захват столицы провинции — г. Харэра и третьего по населению города страны, промышленно-транспортного центра Дире-Дауа.

С первых же дней бои развернулись на обширной территории, растянувшейся на сотни километров. Общая площадь, где шли военные действия в провинциях Харарге, Бале и Сидамо, составила около трехсот тысяч квадратных километров.

Сомалийское правительство, отлично понимая, что оно грубо нарушило Хартию ОАЕ, выступив с открытой агрессией против соседней страны, пыталось замаскировать свою авантюристическую политику. Из Могадишо сообщали, что войну в Огадене ведет-де местное население под руководством так называемого Фронта освобождения Западного Сомали, а не регулярная армия. В действительности же в Огадене воевали отборные, наиболее хорошо подготовленные части сомалийских вооруженных сил.

В первые недели наступления сомалийцам удалось занять пограничные и внутренние районы Огадена, подойти в августе к Джиджиге, захватить часть железной дороги Дире-Дауа — Джибути и выйти с северо-востока к городу Дире-Дауа. 16—18 августа на подступах к аэродрому этого города разгорелись ожесточенные бои. 15-я бригада мотопехоты и колонна сомалийских танков, при под-

держке артиллерийских и ракетных установок, прорвались к посадочной полосе. Была уничтожена башня управления аэропортом, сожжены бензозаправочная станция, бензовоз. Однако защитникам Дире-Дауа удалось отбиться — атака захлебнулась, сомалийцы потеряли десятки танков и отошли.

Первая поездка журналистов из Аддис-Абебы на фронт и была совершена на эти позиции недавних боев вокруг Дире-Дауа. Мы побывали и в окрестностях аэродрома, где увидели подбитые танки, и за невысоким кряжем, километрах в пятнадцати на восток от города, на местности, где гранатами и арт-огнем была остановлена другая танковая колонна сомалийцев.

Во дворе казарм местного гарнизона нам показали много другого тяжелого оружия, танков, тягачей, обломков истребителей с маркировкой частей армии Сомали. Журналисты встретились и с двумя пленными сомалийцами — солдатами регулярной армии. Двадцатичетырехлетний Ахмед Али (воинский личный номер — 3585) служил в 146-м пехотном батальоне, который наступал на Дире-Дауа. Другой солдат Мохамед Ибрагим (№ 27000) — житель Могадишо, служил в бригаде «Хорсейд». Всякие сомнения в том, что в Эфиопию вторглась регулярная армия с современным оружием, полностью исчезли.

Второй очаг ожесточенных боев в августе — сентябре разгорелся вокруг Джиджиги. Этот город с крупным гарнизоном на главном шоссе, пересекающем Огаден и ведущем к Харэру и дальше на высокогорные плато Эфиопии, — один из важнейших военно-стратегиче-

ских пунктов. Сюда сомалийцы стянули несколько бригад пехоты и много боевой техники — танков, артиллерии, реактивных установок.

Оборону здесь держали части третьей армейской дивизии и недавно сформированные бригады народной милиции. Бои шли кровопролитные. В конце августа — первых числах сентября сражение достигло критической фазы. В район Джиджиги прибыл председатель ВВАС подполковник Менгисту Хайле Мариам, который лично руководил ходом боев. Сомалийцы понесли большие потери, их наступление задержалось. Марш на Харэр был сорван. Только в середине сентября из-за предательства в рядах защитников сомалийским войскам удалось взять Джиджигу и соседний с ней перевал Кара-Марда.

В первые недели войны еще не было налажено должное взаимодействие кадровых частей армии и подразделений народной милиции. Безусловно, требовалось время и для овладения новым оружием, которое стало поступать в эфиопскую армию из Советского Союза и других социалистических стран. Были серьезные промахи в снабжении переднего края боеприпасами, горючим, продовольствием.

В эти дни мне самому приходилось слышать в Аддис-Абебе откровенные признания, что-де поражение в Огадене заставит нынешнее Военное правительство либо сойти со сцены, либо начать свертывать радикальные внутренние преобразования, пойти на уступки «разумным» умеренно-либеральным кругам, вновь обратиться с поклоном к западным дер-

жавам, просить их о военной и экономической помощи.

Однако Дерг, Военное правительство нашли силу и мужество одновременно с защитой территориальной целостности и суверенитета государства продолжать революционный курс на дальнейшее углубление социальных реформ, на создание новой, демократической Эфиопии.

Национальное революционное оперативное командование (НРОК), созданное в первые дни войны, издало 16 сентября ряд чрезвычайных декретов, направленных на мобилизацию людских и материальных ресурсов страны, с тем чтобы противостоять наступлению сомалийской армии в Огадене и сепаратистов в Эритрее. Были проведены замены в Министерстве обороны, в генштабе и среди ряда командиров фронтовых подразделений. Военное правительство призвало все население противостоять агрессии, цель которой «оторвать неотъемлемую часть нашей родины и повернуть революцию вспять».

В эти решающие для судеб Эфиопии месяцы огромную роль в защите целостности древнего африканского государства, в поддержке его революционного правительства сыграли Советский Союз, Куба, ГДР, Народная Демократическая Республика Йемен. Быстрая и значительная помощь военной техникой, приезд специалистов и советников серьезно помогли укреплению боеспособности эфиопской армии, успешному овладению ее офицерами и солдатами новыми видами вооружения. Политическая солидарность с эфиопской революцией, с битвой народа Эфиопии за свою ро-

дину, продемонстрированная социалистическими странами, другими прогрессивными силами, во многом сорвала планы западных империалистов и реакционеров развернуть военные поставки Сомали и послать туда большие контингенты иностранных войск.

В октябре — ноябре 1977 года линия фронта более или менее стабилизировалась к востоку и югу от Харэра и Дире-Дауа, хотя сомалийцы предпринимали еще несколько отчаянных, но безуспешных попыток захватить эти города. С конца 1977 года эфиопские войска все чаще проводили успешные контратаки и наступательные операции на отдельных участках фронта, беря постепенно инициативу в свои руки. Стало совершенно ясно, что огаденский блицкриг провалился и недалек день изгнания агрессора из Эфиопии.

Именно в это время западная пропаганда, пресса ряда арабских стран развернули шумную кампанию в защиту сомалийских захватчиков, коим будто бы смертельно угрожает Эфиопия! Провокационные слухи и выдумки заполнили газеты и эфир этих стран. За пропагандистской шумихой скрывались опасные планы интернационализации войны на Африканском Роге, стремление еще раз попытаться задавить революцию в Эфиопии, отторгнуть от нее северные и юго-восточные земли.

В Сомали зачастили делегации из стран НАТО, Лиги арабских стран. Предлагались и давались крупные займы, тайно и явно привозилось разнообразное оружие. Махровые реакционеры и антисоветчики стали вдруг «лучшими друзьями» Сомали. В Могадишо объявился, к примеру, внук Уинстона Черчил-

ля. Черчилль-младший призвал поддержать Сомали силами НАТО, немедленно прислать американский авианосец к берегам Африканского Рога. Шах Ирана выступил с публичной угрозой послать свои войска «спасать» Сомали.

Эта «забота» об агрессоре, открытая защита его империалистическими и реакционными кругами вызвала резкий отпор в Африке. Секретариат Организации африканского единства опубликовал заявление, осуждающее намерение правительства Ирана, и подчеркнул, что Африка не нуждается в подобных «спасателях», сотрудничающих с расистами ЮАР и поставляющих Претории миллионы тонн нефти.

Гневную отповедь подобным «защитникам» агрессора дал главный администратор провинции Харарге Лемма Гутема, когда на одной из пресс-конференций в январе 1978 года в Харэре американские корреспонденты стали донимать его расспросами о том, пересекут ли, где и когда эфиопские войска сомалийскую границу.

— Сомалийские войска продолжают оккупировать около пятой части территории моей родины, — сказал Лемма. — Почему же ваши газеты и радио, претендующие на объективность и миролюбие, каждый день кричат об опасности, якобы угрожающей агрессору, а не выступают против него! Каждому понятно, — продолжал главный администратор, — что это прямая поддержка захватчиков, пропагандистская дымовая завеса для оправдания вмешательства в этот конфликт, для все новых поставок разнообразного оружия сома-

лийцам, для расчленения Эфиопии и ликвидации нынешнего революционного режима. Мы не можем не расценивать подобную политику США, как опасную и враждебную для страны.

В январе — марте 1978 года мне несколько раз приходилось посещать линии фронта и быть свидетелем трудных, но победных боев, приведших в начале марта к полному изгнанию агрессоров с эфиопской земли.

В январе эфиопская армия добилась крупного успеха, отбросив сомалийцев к югу от Харэра. Бои за город носили ожесточенный характер. С октября 1977 года до января 1978 года главные усилия сомалийских войск были направлены на захват этого исторического и административного центра Восточной Эфиопии. Город многократно обстреливали. Сомалийские патрули уже проникали на его окраины. Об отчаянном желании овладеть Харэром говорили неоднократные объявления радио Могадишо о том, что город-де уже взят. Под Харэром, особенно вдоль шоссе, соединяющего его с городом Джиджигой, последние четыре месяца развернулись самые крупные сражения огаденской войны.

...Нас, журналистов, повезли на юг, километров за пятьдесят от Харэра, по пыльному разбитому проселку, местами подновленному солдатами. Сразу же за городом — первые окопы, россыпи гильз, черные проплешины выжженной земли, разрушенные хижины. Несколько раз встретились разбитые и сгоревшие танки, бронетранспортеры, грузовики. В каменистом сухом русле речки страшные следы боев — скелеты людей.

На нашем пути к фронту лежал лишь один маленький городок — районный центр Федис. Его освободили около трех недель назад. Бой, видимо, был тут горячий. В развалинах стояли дома вокруг главной площади, служившей и базаром. Федис был разбит сильно, но здесь уже появились представители местной власти. Около полуразрушенного дома районной администрации полощется национальный флаг.

Февраль — начало марта стали решающим периодом войны в Огадене, днями разгрома агрессора. Эфиопская армия совместно с отрядами народной милиции начала решительное наступление на оккупантов. 5 марта была освобождена Джиджига, а 9 марта — Аиша — важный пункт на железной дороге близ границы с Республикой Джибути, 13 марта были освобождены Уал-Уал — оазис, захватом которого началось в 1936 году вторжение в Эфиопию итальянских фашистов, и город Доло на крайнем юге Огадена, на стыке границ Кении, Сомали и Эфиопии.

В эти заключительные дни войны Министерство информации и национальной ориентации оперативно организовало посещение освобожденных районов Огадена журналистами. Летели мы туда на небольшом транспортном самолете эфиопских ВВС сравнительно невысоко. Земля была видна четко. При подходе к Дире-Дауа на серой змейке железнодорожного полотна заметили медленно ползущий состав. Он шел на запад, к Аддис-Абебе. Главная дорога страны, разрушенная в этих местах сомалийскими диверсантами десять месяцев назад, вновь ожила!

Да и сама Дире-Дауа заметно изменилась. Гудело депо, из высокой трубы цементного завода тянулся белесый хвост. На улицах, позвякивая колокольчиками, проносились двухколесные повозки местных извозчиков, к базару величественно двигались верблюды, нагруженные мешками древесного угля, а набитые до отказа маленькие автобусы начали вновь возить пассажиров в Харэр и обратно.

Однако и примет прифронтowego города оставалось немало — на поле аэродрома снаряженные для боев истребители, штабеля доставленных боеприпасов, сотни палаток солдат вдоль дорог, поднятые к небу стволы зенитных установок и антенны радаров. С оглушающим ревом проносились боевые самолеты, караваны зеленых грузовиков и автоцистерн тянулись по шоссе на Харэр — Джиджигу.

Несколько часов понадобилось нашему автобусу, чтобы добраться до штаба 65-й бригады в районе Джильдессы. По дороге обычная картина — разбитые танки, увязшие в руслах рек машины (в конце февраля здесь целую неделю шли необычные для этих сухих мест дожди), россыпи снарядных гильз, бесчисленные окопы и блиндажи. Время от времени мы обгоняли отряды солдат, походным маршем идущих на фронт.

Около командного пункта бригады расположился батальон народной милиции, включенный в состав этой части. С командиром бригады подполковником Текле мы пошли к палаткам и окопам, где располагались бойцы. Хотелось поговорить с рядовыми крестьянами-

солдатами, расспросить об их жизни, отношении к войне, революции.

У маленького костра, обложенного камнями, группа солдат в ведре кипятила чай. Увидев командира, встали, удивленно рассматривали нас.

— К нам приехали журналисты из социалистических стран, — объяснил командир. — Эти товарищи из России (по-амхарски — Россия — Маскоб — от старинного Московия). Вы знаете, что эта страна вместе с Кубой помогает нам в защите нашей родины и революции. Кто из вас хочет поговорить с гостями?

Из группы вышел невысокий, крепкий крестьянин в фуражке с красным серпом и молотом на околышке. Он отдал честь подполковнику и вызвался отвечать на наши вопросы. Отвечал четко и толково. Звать Гутема Тафари. 30 лет, женат. Пока только двое детей — девочки. Родом из Аддис-Алема в провинции Шоа, где сформировался батальон. Неграмотный. До аграрной реформы был безземельным арендатором.

— Что дала вам революция?

— Землю и свободу от помещиков.

— Что с семьей, не живет ли она в нужде после вашего ухода на фронт?

— Там все в порядке. В нашей ассоциации семьи солдат обеспечиваются в первую очередь, им помогают.

— Что будете делать после войны, о чем мечтаете?

— Вернусь домой, к семье. Буду работать на своей земле, думаю, что жить всему крестьянству станет гораздо лучше. Ну, а пока война не кончилась, надо воевать.

Разговор с Гутемой Тафари, народным ополченцем, простым «человеком с ружьем», ушедшим в далекий от его деревни Огаден защищать свою землю и волю, очень четко характеризует отношение миллионов эфиопских крестьян к революции, их искреннее стремление оборонять свою обновленную родину. Не случайно 300 тысяч человек вошли в отряды народной милиции, отлично проявившей себя как на фронтах, так и в борьбе с внутренней контрреволюцией.

На следующий день — 12 марта мы выехали в Джиджигу еще до восхода солнца. Дорога вначале шла по крутому ущелью вверх, а затем по ровному плоскогорью, окутанному плотным утренним туманом. Но вскоре солнце растопило облачный покров на горах. Всего от Дире-Дауа до Джиджиги 165 километров. Большая часть пути, как и накануне, с горы в ущелье, с перевала в долину. Одна из них, именуемая «долиной тысяч статуй», необычайно живописна. Здесь выступают гранитные скалы, причудливо выветренные эрозией. Немного воображения — и вы видите каменные головы и тела, разнообразнейшие колонны и сооружения. Но для наступавшей эфиопской армии эти скульптурные фантазии природы оборачивались своего рода бесконечными противотанковыми надолбами, надежными укрытиями для противника. А именно здесь и шли самые упорные бои.

За поселком Бабиле пошли места, где следы жестоких сражений виднелись на каждом шагу. Опасности подстерегают даже на самом шоссе. Наш автобус остановил солдат-сапер. Заглядывая в кабину, он очень громко

и несколько раз прокричал шоферу как заклинание: «Держись середины дороги! Мины! Мины!». Стоявшие на обочине саперы с миноискателями и кучка сложенных на траве только что найденных фугасов веско подтверждали серьезность предупреждения.

Добирались до Джиджиги мы долго. Водитель строго следовал приказу сапера и нередко целые километры медленно тащился за тяжелым военным грузовиком, не решаясь его обойти по краю дороги. Наконец перевалили знаменитый проход Кара-Марда и на открывшейся плоской, бескрайней равнине увидели кварталы Джиджиги.

Здесь также первый визит мы нанесли в штаб дивизии, где нас познакомили с положением на фронте. Город и окрестности контролирует 10-я пехотная дивизия. Ее передовые отряды стояли в этот день в двадцати километрах от государственной границы на дороге Джиджиги — Харгейса. На юг, в глубь Огадена двинулись другие подразделения. Десятая дивизия должна была обеспечить ликвидацию отдельных очагов сопротивления в этом районе, разминировать дороги, помочь беженцам, начать восстановление города, собрать оружие и снаряжение, брошенное сомалийской армией.

Командир дивизии седой, высокий полковник Дессалейю Абебе рассказал о тяжелом пути дивизии от города Джарсо до Джиджиги. Горы в этих местах особенно круты и труднодоступны: вершины их поднимаются до трех километров. Да и неожиданные в это время года дожди превратили ущелья в камнегрязевые реки. Танки на буксире тащили ав-

томашины и орудия, на мулах, ослах, солдатских плечах переносились боеприпасы, продовольствие, медикаменты. Целый месяц продирались части 10-й дивизии сквозь горный лабиринт, пробивая оборону противника.

У перевала Кара-Марда сомалийцы сопротивлялись особенно упорно. Весь район перед горным кряжем Кара-Марда и перевалом был плотно «засеян» минами. Здесь же сосредоточилось множество крупных орудий, реактивных минометов, танков. Перевал брала бригада народной милиции. А Джиджига была освобождена после трехдневного сражения совместным ударом различных подразделений, наступавших с севера, северо-запада и запада.

Из военного лагеря мы отправились осматривать город. Он сильно разрушен. В развалинах лежали местная электростанция, здания банка, гостиницы. Сотни домов были разбиты снарядами и бомбами. На одной из центральных улиц я подобрал несколько бланков официальных бумаг. На них тщательно были зачеркнуты заглавные строчки «Временное военное правительство Социалистической Эфиопии» и вместо них надписано «Сомалийская демократическая республика». Оккупанты уже рассматривали Джиджигу и Огаден как собственную территорию, бесцеремонно включив их в состав Сомали!

Тысячи мирных граждан погибли в Огадене во время военных действий, десятки тысяч были угнаны на территорию Сомали отступавшими агрессорами.

Разрушенная, опустошенная Джиджига стояла как трагический свидетель авантюры,

развязанной сомалийскими националистами и их сторонниками из империалистического лагеря и реакционных арабских кругов. Дорогой, кровавой ценой заплатили народы Эфиопии и Сомали за действия международной реакции, стремившейся задавить эфиопскую революцию, расчленить древнее государство. Планы эти сорваны. Армия и народ Эфиопии с помощью своих друзей и союзников нанесли силам империализма в этом районе Африки сокрушающий удар. Сомалийское руководство вынуждено было заявить о выводе своих войск с территории Эфиопии.

Правительство Эфиопии продемонстрировало свою политическую дальновзоркость, стремление к прочному миру. Части эфиопской армии пунктуально выполняли приказ из Аддис-Абебы не пересекать государственную границу.

В Огадене, других районах, где восемь месяцев шли бои, наступил относительный мир, хотя еще долго здесь действовали небольшие банды, диверсанты и разведчики с сомалийской стороны.

Огромный ущерб — около миллиарда быров, нанесла война этим районам. Уже после окончания боевых действий я ездил в некоторые города Огадена. Запомнилось посещение Годе, стоящего на крупной реке Веби-Шебели.

Долина этой реки — одно из немногих мест в полупустынных просторах Огадена, где можно основать крупные земледельческие хозяйства, выращивать без боязни гибели урожан кукурузы и хлопка, арахиса и сорго, разнообразные овощи. За последние годы пра-

вительство новой Эфиопии начало создавать в районе Годе селения, где нашли кров и работу десятки тысяч кочевников, потерявших во время тяжелой засухи почти все свои стада и бывших на грани голодной смерти.

В июне 1976 года я видел эти плантации и поселки. Кочевники, в большинстве своем относящиеся к сомалоязычным племенам и кланам, постепенно приобретали навыки землевладельцев, привыкали к оседлой жизни. Для жителей суровой, голодной пустыни появилась реальная возможность иметь постоянный источник доходов, получать медпомощь, обучать детей в школах.

Война, развязанная якобы для «освобождения» сомалоязычных граждан Эфиопии, остановила эту созидательную работу. Сожжены все постройки, разрушены насосные станции, разграблены склады и зернохранилища. Стоят заброшенными тысячи гектаров отвоеванных у пустыни полей. Засохли посевы, и только пыльные смерчи то там, то тут взвиваются в белесое жаркое небо. Да и сам Годе пуст и разрушен. Единственная во всем Огадене асфальтированная авиапосадочная полоса исполосована лабиринтом узких канав, пестрит воронками от взрывов мин и снарядов. Высокая железобетонная башня аэропорта превращена в груды обломков. Взорван мост через реку Веби-Шебели. Повсюду среди желто-красных песков видны черные пятна пепелищ.

— Примерно пятьсот человек ютятся сейчас в развалинах города, около нашего лагеря, — говорит командир 5-й пехотной бригады подполковник Берхану Демиссе. — По-

могаем им чем можем. Но и у солдат жизнь трудная из-за того, что аэродром разрушен, на расчищенную песчаную полосу садятся лишь маленькие самолеты, неспособные доставлять все необходимые грузы.

Нам сообщили, что в ближайшее время начнутся работы по восстановлению плантаций, оросительной сети, жилых поселков. А пока значительная часть населения укрывается в горах, хотя постепенно шок войны проходит.

После окончания военных действий крестьяне возвращаются к своим полям и хижинам. Но нередко у них не было ни еды, ни семян для посева, ни рабочего скота. Пострадавшим от войны земледельцам выделялись ссуды и льготные займы для покупки семян и тягла. Многие тысячи крестьянских дворов были освобождены от уплаты налогов. Помощь пострадавшим оказывала вся страна. В Аддис-Абебе и других городах проводился сбор денег, одежды, продовольствия для жителей Огадена.

Огаденская трагедия еще раз показала, что нарушение политики добрососедства, принципов Хартии африканского единства приносит африканским народам огромный урон, играет на руку силам реакции.

Испытание огнем прошла новая Эфиопия в Огадене, и она с честью его вынесла, вышла из пламени войны еще более закаленной, уверенной в победе своего революционного курса.

IX.

Консолидация революционных сил

Всякая подлинная революция не сводится к свержению старого строя, разрушительной, карающей деятельности, подавлению контрреволюции. Одновременно идет созидательный процесс становления прогрессивных общественных отношений, приобщение к активной политической и идейной жизни миллионов людей, рождения и воспитания нового человека. Эта закономерность характерна и для эфиопской революции.

Бурные 1976—1978 годы принесли стране тяжкие испытания, было пролито много крови и в Огадене, и в Эритрее, и в Аддис-Абебе. В то же время эти годы ознаменовались ростом и укреплением 25 тысяч крестьянских ассоциаций, городских «кебеле», формированием и первыми успехами революционной армии, включившей в себя отряды народной милиции. Были заложены основы государственного сектора в экономике, которая, несмотря на войну, саботаж, многие другие трудности, связанные с поставкой оборудования и сырья, сбытом продукции, транспортными проблемами, нехваткой квалифицированных кадров, продолжала в целом функ-

ционировать, обеспечивая неотложные нужды страны и населения.

Особенно многое изменилось в жизни эфиопских крестьян, а их, напомним еще раз, 90% населения страны.

В эти годы мне приходилось неоднократно бывать в самых различных провинциях от южной Сидамо до северной Эритреи. И не с чужих слов, а воочию я убеждался в коренных переменах, которые принесла революция в деревню.

Запомнилась поездка в провинцию Каффа, главный кофейный центр страны, где и поныне кофейные кусты дико растут в подлеске на горах и холмах, а их ягоды местные жители собирают, как мы в своих лесах чернику или малину. Однако вокруг деревень, поселков, хуторов уже давно выращиваются и культурные разновидности кофе, дающие чуть ли не вдесятеро больший урожай, чем их лесные собратья.

Еще совсем недавно почти все земли с кофейными посадками принадлежали помещикам, на которых батрачили крестьяне. Тысячи гектаров в благодатнейшем для произрастания кофе районе вокруг городка Агаро находились во владении раса Месфина Силеши — одного из крупнейших феодалов. А обитатели деревни Чоче, что в десятке километров от Агаро, по существу были его крепостными. Мы добрались до Чоче на корпунктовской машине, с трудом преодолев на пути из Аддис-Абебы несколько разбитых участков дороги. Свернув с главного шоссе на проселок, чуть не налетели на грузовик, набитый мешками кофе.

— Эта машина крестьянской ассоциации, — объяснил сопровождавший нас служащий государственной кофейной корпорации, — ее недавно купили за 56 тысяч бырров — доходы позволяют, да и банк льготную ссуду дал.

Через десять минут мы были в селении, протянувшемся по зеленому косогору. Председатель ассоциации Шеху Хассан Ахмед пригласил нас в контору — большой, сложенный из жердей, сарай. Несколько скамеек вдоль стен, самодельный стол да большой сундук с висячим замком, в котором хранятся документы, иной раз и деньги, — вот и вся меблировка.

Разговор шел легко, непринужденно, председатель и члены комитета охотно и ясно отвечали на вопросы. Ассоциация возникла два года назад, вначале вошли в нее около сотни семей — остальные выжидали, боялись перемен. Но постепенно росла вера в новые порядки, в силу и пользу общего труда.

Своей земли местные крестьяне почти не имели. Сейчас у каждой семьи участки по 3—4 гектара (разделили поместья скинутого революцией раса). Выделили и коллективное поле в 40 гектаров — засеяли зерновыми. Это — для пропитания, не для продажи, а денежный доход — от кофе. В деревне работает станция по очистке кофейных зерен — она обслуживает три крестьянские ассоциации. Закупочная цена сейчас высокая — три бырра за килограмм кофе. Впервые появились у крестьян деньги на приличную одежду, на другие городские товары.

— Стали есть досыта и о других благах помышлять, — говорит командир отряда

крестьянской самообороны Менгисту Айеле.

— Каких же?

— Детей всех в школу послать, начальная уже есть, но надо бы классов прибавить. Медпункт получше оборудовать, может быть, фельдшера заполучить для общины. Будут деньги — можно и свою электростанцию соорудить, куда веселей в домах с ярким светом.

— Трактор нужен прежде всего и новая машина для очистки кофе, — вмешивается председатель, — тогда и доходы наши повысятся, а затем уже электричество заведем, учителей и фельдшера пригласим.

Спрашиваем о дисциплине в ассоциации. Отвечают, что народ работает усердно, дружно. Ведь не на Месфина Силеши, а на себя, — говорит кто-то из присутствующих.

— О противниках новой власти в округе сейчас не слыхать. Милиция, состоящая из отрядов крестьянской самообороны, в Каффе сильная. В нашей деревне в отряде 23 человека. У нас спокойно, можно жить безбоязненно, — объясняет Менгисту Айеле.

— Ну, а нехватки какие, на что жалуетесь?

— Товаров мало, плохо обстоят дела с транспортом, бензина не хватает. Вот организовали свой кооперативный магазин, а торговать почти нечем, хотя керосином, сахаром, солью народ обеспечиваем, — отвечает казначей — счетовод правления. Среди его членов — одна женщина, Дабалле Хусейн, председатель женского комитета. По ее мнению, жизнь в деревне намного улучшилась, права женщин начали признавать и уважать.

— А то ведь двойными крепостными были — и помещика, и мужа, — сказала Дабалле.

Кроме повседневных семейных дел, работы на полях, кофейных посадках, в огороде, местные женщины заняты еще прядением пряжи, мелочной торговлей в соседнем Агаро или в деревне в базарный день. Ассоциация выделила женщинам небольшое поле под хлопок для пряжи.

На многие вопросы пришлось отвечать и нам — больше всего о колхозах, жизни крестьян в СССР, об отношениях города и деревни, о том, как сочетаются личные и коллективные интересы, откуда земледельцы получают машины, кому принадлежит, как распределяется урожай и так далее.

Такую же созидательную активность наблюдал я и в провинции Арси и на хлопковых полях в долине Аваша, на сахарных плантациях близ города Назрета.

В селении Биллало на встречу с журналистами собрались сотни людей, приехали всадники в красочных одеждах, с копьями, щитами и мечами.

— В нашу провинцию и раньше приезжали журналисты, — сказал председатель, — но они встречались только с богатыми людьми, чиновниками. Простой крестьянин безмолвствовал, да и что он мог сказать при старых полицейских порядках? А сейчас мы выскажем нашим гостям свои мысли и мнения...

С десятков групп образовалось на сельской площади. Приезжие задавали вопросы, крестьяне отвечали. Некоторых американских репортеров, явно приехавших за «кровавыми»

сенсациями гражданской войны, интересовали только столкновения, стрельба, оружие. Были в вашей ассоциации убитые? Расстреливали ли вы помещиков? Не видели ли иностранных солдат? и т. д., и т. п. На эти провокационные вопросы ответы давались деловые и объективные. Да, в самые горячие дни земельной реформы столкновения были, но сейчас спокойно. Теперь у всех есть земля. Через кооператив крестьяне продают зерно, получают удобрения, сортовые семена.

Сельский кооперативный магазин по твердым ценам, опять-таки чтобы избавиться от спекулянтов, торгует серпами, мотыгами, тканями, одеялами, посудой, сахаром, солью и другими фабричными товарами. Сообща крестьяне владеют мельницей, плата за помол втрое ниже, чем была у частного владельца. 14 соседних крестьянских ассоциаций, объединившись, построили в Биллало, у шоссе общий, обширный склад, где хранят зерно, удобрения, цемент, кровельные материалы.

Не такие уж, вроде бы, большие успехи в Чоче и Биллало, но это только начало. Решающий шаг сделан. Земля теперь крестьянская, власть на местах у них в руках, государство готово помочь улучшению хозяйства, любой полезной инициативе.

«Крестьянин полностью осознал свою исключительную роль в развитии страны. Он полон решимости довести революцию, которая дала ему экономическую и политическую свободу, до полной победы», — так охарактеризовал новую социальную роль 25 миллионов сельских тружеников Эфиопии Менгисту Хай-

ле Мариам на пресс-конференции 14 февраля 1978 года.

Как уже упоминалось, часть крупных ферм и плантаций, главным образом поставляющих на экспорт и для местной промышленности хлопок, кофе, сизаль, сахарный тростник, фрукты, перешла во владение государства. Сейчас эти госхозы, в которых занято около ста тысяч человек, успешно налаживают работу. Удалось не допустить сколько-нибудь значительного сокращения посевных площадей и урожаев. Продукция хлопка даже увеличилась. Общий сбор зерна на госфермах составил в 1977/78 сельскохозяйственном году I миллион 400 тысяч, кофе — около 23 тысяч, хлопка — 625 тысяч центнеров.

Для обеспечения городов хлебом расширяются посевы зерновых. Например, в 1978 году три госхозы засеяли дополнительно 16 тысяч гектаров кукурузы и пшеницы. А всего в ближайшие два-три года намечено увеличить посевные площади таких ферм на 50 тысяч гектаров. Из ГДР правительство ввезло 500 тракторов, образовано шесть передвижных ремонтных мастерских.

Планируется освоить десятки тысяч гектаров орошаемых земель под хлопок, прежде всего в долине реки Аваш. Этот обширный проект будет осуществляться с помощью советских ирригаторов и хлопкоробов.

В ближайшие годы предполагается развить молочное хозяйство, сделать госфермы опорными пунктами коренного улучшения животноводства, которое пока остается примитивным и малопродуктивным. Госфермы становятся

центрами распространения и внедрения передовой агротехники, механизации, высокопродуктивных культур и пород для всей эфиопской деревни.

Государство, его различные службы с каждым годом все заметнее участвуют в подъеме и развитии сельской Эфиопии. Все более значительные суммы выделяются по бюджету, а также через банки для нужд крестьянства. Специальное агентство сельских проектов широко ведет строительство школ, медпунктов, жилых домов, водопроводов. Только в 1977 году было сооружено 700 зданий начальных школ. А общие расходы агентства за этот же год составили около 70 миллионов бырров.

Министерство здравоохранения ставит своей основной задачей на ближайшие годы создание сети медпунктов, клиник и больниц для сельского населения. Ведь до последнего времени большинство крестьян было лишено медицинской помощи. Поэтому Эфиопия входила в число стран мира с наибольшей детской смертностью (до года умирало двести новорожденных из тысячи) и с наименьшей средней продолжительностью жизни (37—38 лет). Особое внимание уделяется профилактике болезней, борьбе с массовыми заболеваниями — малярией, туберкулезом, проказой.

Уже сейчас в деревнях появилось более тысячи медпунктов, все больше врачей, фельдшеров, медсестер направляются в сельские районы. Многие крестьянские ассоциации выделяют собственные средства на создание медицинских служб в их селах.

Все более тесными и многосторонними становятся связи города и деревни. Крестьяне — частые гости заводов, фабрик, городских «кебеле». С 1977 года в связи с войной в Огадене, уходом многих молодых мужчин на фронт, в народную милицию тысячи горожан стали выезжать на крестьянские поля, госфермы, чтобы помочь в уборке урожая.

Интересное начинание возникло в районе Уонджи. По соглашению с сахарным заводом на коллективных полях ассоциации посадили сахарный тростник. Завод помог крестьянам в механизации полевых работ, в освоении навыков выращивания новой культуры. Эти плантации стали основным источником дохода сельских кооперативов.

Некоторые «высшие кебеле» столицы устанавливают прямые связи с объединениями крестьянских ассоциаций. Горожане снабжают деревню необходимыми промтоварами, получая взамен продовольствие — главным образом зерно и овощи, которые в городе распределяются через кооперативные, так называемые народные магазины.

Огромная работа по созданию новых органов власти на местах, объединение крестьянских ассоциаций на уровне районов, округов и провинций завершилась образованием Все-эфиопской крестьянской ассоциации (ВЭКА) на первом в истории страны съезде земледельцев в конце апреля — начале мая 1978 года. Пятьсот представителей трудового крестьянства собрались в здании парламента, где еще не так давно заседали помещики и дворянская знать. Представительное собрание посланцев 25 миллионов сельских труже-

ников страны более недели обсуждало свои проблемы, свою роль в новом, революционном государстве, намечая конкретную программу действий всех ассоциаций.

На конгрессе от имени ВВАС выступил его генеральный секретарь, капитан Фикре Селассие Вогдересс. Он заявил: «Рождение общенациональной Всеэфиопской крестьянской ассоциации откроет новую главу в истории Эфиопии... ВЭКА мощная и новая сила в увеличении сельскохозяйственного производства, внедрения кооперативного земледелия, расширения агропромышленной активности и общего ускорения социально-экономического развития». Вместе с тем он указал на негативные явления: «В некоторых районах часть избранных в ассоциации крестьян перестали работать на полях. Нередко они получали больше земли и лучшего качества, чем другие члены ассоциации, использовали труд односельчан. Подобные лица стремятся стать богатеями за счет других, а в будущем, возможно, превратиться в сельскую буржуазию». Оратор указал на необходимость непримиримо и последовательно бороться против подобных тенденций. Он призвал также разоблачать попытки противопоставлять интересы города и деревни, препятствовать намерениям корыстных людей, спекулянтов вздуть цены на продовольствие и мешать регулярному снабжению городского населения сельскохозяйственными продуктами.

«ВЭКА призвана руководить крестьянскими массами в интересах революции, всего государства», — заключил свою речь Фикре Селассие Вогдересс.

В работе съезда активно участвовали посланцы рабочего класса. Профсоюзные активисты рассказали о борьбе, развернувшейся в городах, о махинациях реакционеров, о создании единого фронта национально-демократических сил, в котором основная роль принадлежит пролетариату и крестьянству. Два часа делегаты съезда задавали вопросы представителям рабочих.

После продолжавшихся неделю прений и дискуссий съезд учредил ВЭКА и избрал ее руководство. Первым председателем стал 38-летний крестьянин из провинции Иллубабор Абделла Сонесса, бывший безземельный арендатор. С первых же дней аграрной реформы он стал активным участником ее проведения и был избран председателем крестьянской ассоциации в родном селении Гемеда, а затем избирался в областное и провинциальное объединение крестьян. Так революция порождает новых лидеров из самых народных глубин.

Окрепли и городские «кебеле», очистившиеся от феодально-буржуазных и левацко-анархистских элементов. Почти во всех крупных городах прошли демократические выборы руководящих комитетов, были утверждены новые мэры. Низовые «кебеле» с каждым месяцем все более уверенно ведут дела своих районов, развивая их экономику, налаживая снабжение, борясь с безработицей, безграмотностью, нищетой среди горожан.

Один день я провел в столичном «кебеле» № 17, куда входит 677 домов — большей частью весьма примитивных. Проблема жилья (многие жители арендовали дома и комнаты),

национализация доходных домов и земли были первыми заботами комитета ассоциации. Общими силами построили несколько домов, куда вселили самые бедные семьи. Одно из лучших национализированных зданий, принадлежавшее помещице Геннет Вольде-Габриэль, отвели под детский сад. Более сотни ребятишек получили прекрасный дом и участок для игр, начальной учебы, отдыха.

21 человек входит в отряд самообороны «кебеле». Каждую ночь 8—10 его бойцов патрулируют улицы. В перестрелках с террористами погибли двое и ранено девять жителей ассоциации. Помещение, где находится комитет «кебеле», окружено прочным, высоким забором, есть и сторожевая вышка, на которой постоянно дежурит боец. Здесь же — склад и кооперативный магазин с запасами продовольствия. С 1978 года ассоциация активно занялась экономическими делами, проблемой безработицы. «Кебеле» получило заем и оборудование для строительства швейной мастерской, устроило десятки мужчин работать на ремонте и строительстве дорог и домов. Платных служащих в «кебеле» нет, и председатель и члены комитета — выборные лица. Регулярно работает юридический комитет.

— Хотя у нас и есть права наказывать, штрафовать, но пользуемся мы ими редко, главным образом, когда имеем дело с злонамеренными правонарушителями. Чаще всего стараемся переубедить людей, совершивших проступки, доказать им, что жить надо дружно, сознательно, для общей пользы, — сказал член местного суда.

В середине 1978 года на встрече с журналистами мэра Аддис-Абебы доктор Алему Абебе рассказал, что 289 «кебеле» столицы успешно справляются со своими обязанностями: с 1975 года они построили более двух с половиной тысяч домов. Строительство и ремонт зданий, водоснабжения, дорог, сбор квартплаты занимают первостепенное место в заботах муниципалитета и его органов. Размах этих работ позволил обеспечить постоянным заработком более семи тысяч человек. За два последних года под кооперативное и индивидуальное строительство в Аддис-Абебе было отведено четыре миллиона квадратных метров земельных участков.

— Хорошо известно, — говорит мэр, — что в бурные времена всегда возникают трудности с обеспечением больших городов некоторыми товарами. Эти трудности усугубляются саботажем реакционеров, стремлением жителей городов создать запасы продуктов и промтоваров. Чтобы противостоять этому, мы почти во всех «кебеле» открыли кооперативные магазины. Они очень сильно помогли удержать цены в борьбе со спекулянтами. Одно время цена на сахар в частных лавочках поднялась до трех бырров при твердой цене в 75 центов в «кебеле».

Мэр отмечает и другую важную сторону развития кооперативных магазинов — их сеть станет базой для создания государственного сектора в розничной торговле, в которой еще господствует частник.

Практически нет ни одной стороны жизни горожан, которую новые органы самоуправления оставили бы без внимания. В самое

ближайшее время намечено всех детей школьного возраста посадить за парты, повести наступление на некоторые антисанитарные обычаи, развернуть пропаганду правил личной и коммунальной гигиены.

Первая общегородская уборка прошла в марте 1978 года, когда в ознаменование Международного женского дня был проведен воскресник по благоустройству Аддис-Абебы.

— В нашем городе нет почтальонов, — продолжает Алему Абебе, — а завести собственный почтовый ящик на почте далеко не всем по карману. «Кебеле» арендовали ящики, которыми бесплатно пользуются все члены ассоциации. Небольшая деталь, но в ней хорошо проявилась забота о нуждах простого люда.

Мэр называет много цифр — в столице появились десятки новых школ, библиотек, спортплощадок, детских садов, медпунктов.

— Эти успехи — итог огромной работы «кебеле» по организации и политпросвещению населения, — продолжал мэр, — и результат инициативы, идущей снизу, от рядовых горожан. Конечно, нам мешали действия контрреволюционеров. Почти полтора года в городе орудовали террористические банды, было время, когда в течение недели ежедневно убивали 5—6 активистов «кебеле». В некоторых кварталах люди боялись выходить на улицу, посылать детей в школу. Переход революции от обороны к наступлению, вооружение народа остановили белый террор. Сейчас население Аддис-Абебы может спокойно работать, ходить по улицам, на рынки, в

школы и кино. О стрельбе в столице много писали в западной прессе, часто в искаженном виде. Правительство США грозилось применить всяческие санкции по отношению к нашей стране в связи с так называемым «нарушением прав человека». Но ведь главное право человека — право на жизнь, на достойное существование. И вот это право впервые в истории Эфиопии завоевал простой народ — он получил землю, право на труд, социальную помощь, на отдых и пенсии, — так завершил свой рассказ мэр столицы Эфиопии.

В течение 1978 года в стране отчетливо проявилась консолидация национально-демократических сил, появление реальных предпосылок для возникновения правящей политической партии рабочего класса, других массовых общенациональных организаций, как, например, женских и молодежных. В стране был создан Союз марксистско-ленинских организаций Эфиопии, который, очищаясь от разного рода мелкобуржуазных «попутчиков» и оппортунистических элементов, закладывает основы будущей авангардной партии трудящихся.

И с полным правом Эфиопия торжественно, как большой народный праздник, отметила 4-ю годовщину свержения самодержавия. День Революции — 12 сентября навсегда стал великой датой в трёхтысячелетней истории древнего государства. В этот день на Африканском Роге родилась революционная страна, которая своей антифеодальной, антиимпериалистической, антиколониалистской политикой продемонстрировала готовность

идти в общих рядах всех прогрессивных сил мира, борясь за мир, демократию и социализм. Вот почему десятки иностранных делегаций прибыли в Аддис-Абебу, чтобы разделить радость успеха революционных преобразований, крупных достижений и побед тридцатимиллионного народа и его армии.

Впервые Эфиопию с официальным визитом посетила партийно-государственная делегация Советского Союза во главе с кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, первым заместителем Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. Кузнецовым. На торжества прилетел Первый секретарь ЦК Компартии Кубы, Председатель Государственного совета и Совета Министров Республики Куба Фидель Кастро. Представительные делегации послали в революционную страну и многие независимые африканские государства.

В эту же праздничную неделю в Аддис-Абебе проходила Международная конференция солидарности с борьбой африканских и арабских народов. В ней приняли участие более ста делегаций из многих стран мира, активные борцы антиимпериалистического движения. Конференция оказала большую морально-политическую поддержку новой Эфиопии, выявила широкое международное признание ее достижений.

Два дня, 12 и 13 сентября, огромная площадь Революции была местом невиданных в Аддис-Абебе массовых демонстраций, народных гуляний, впечатляющего новой техникой военного парада.

В большой речи председатель ВВАС Менгисту Хайле Мариам подвел итоги четырехлетней борьбы за новую Эфиопию.

«История борьбы народных масс Эфиопии написана кровью. Оглядываясь на прошедшие годы, мы ясно видим, какой тяжкий путь мы преодолели», — заявил лидер революции. Он говорил о бешеном сопротивлении феодалов, кровавом терроре банд ЭНРП, о сомалийском военном вторжении и разрушительных действиях эритрейских сепаратистов. О том, что все эти нашествия и атаки на Эфиопию поддерживались и подталкивались международным империализмом, реакционными правящими кликами в некоторых арабских странах. Но народ и революция победили.

Менгисту Хайле Мариам подчеркнул, что в своей тяжелой борьбе Эфиопия была не одинока. «От имени трудящихся Эфиопии я хочу поблагодарить Коммунистическую партию и правительство Советского Союза, первой социалистической страны в мире, оплота рабочего, прогрессивного и освободительного движений, за огромную материальную и политическую поддержку, которую они оказали нам», — заявил он под бурные аплодисменты десятков тысяч слушателей.

Отмечая подлинную интернационалистскую позицию СССР, Кубы, других социалистических стран в тяжелый период борьбы на Африканском Роге, председатель ВВАС резко осудил реакционную, проимпериалистическую игру в Африке пекинского руководства. Поддерживая сомалийскую агрессию, снабжая оружием террористов из

ЭНРП и эритрейских сепаратистов, оно фактически приняло непосредственное участие в контрреволюционном наступлении на Эфиопию.

В речи 12 сентября глава государства выдвинул перед народом большие новые задачи. Главным фронтом борьбы провозглашались экономическое развитие, ликвидация старого тяжелого наследства — голода, болезней, неграмотности, безработицы, проституции.

На новом этапе революции основные усилия будут направлены на быстрейшую реконструкцию отсталого сельского хозяйства, восстановление и строительство фабрик, заводов, освоение богатых природных ресурсов страны. На создание современной промышленности в ближайшие годы намечено выделить более 600 миллионов бырров. В ноябре 1978 года ВВАС издал декрет об общенациональной революционной экономической кампании развития страны. Создан Высший центральный плановый совет для руководства и координирования этой гигантской работой.

Начало кампании совпало с решающими успехами Второй революционной армии, разгромившей в июле — ноябре 1978 года основные силы сепаратистов в Эритрее. Установление мира в этой наиболее развитой экономически провинции Эфиопии позволит приступить к восстановлению ее хозяйства, включить ее производственные мощности и ресурсы в общую программу развития страны.

Глубокие социально-политические перемены в Эфиопии, происшедшие в годы револю-

ции, создали необходимые предпосылки для быстрого роста ее народного хозяйства и культуры.

Значительно укрепились внешнеполитические позиции Эфиопии. Она по праву выдвинулась в ряды наиболее активных и радикальных антиимпериалистических государств Африки. С каждым месяцем все более глубокими и многосторонними становятся ее дружеские связи с социалистическими государствами.

Страны социалистического содружества — надежные и естественные союзники революционного африканского государства в строительстве новой жизни, борьбе с социальными язвами и бедами, унаследованными от мрачного прошлого. Эта дружба и сотрудничество особенно ярко проявились во время визита правительственной делегации Эфиопии, возглавляемой Менгисту Хайле Мариамом в Советский Союз и другие европейские социалистические страны в ноябре — декабре 1978 года. Кульминационным моментом этой плодотворной поездки стало подписание в Москве Договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и социалистической Эфиопией — первый подобного рода договор, подписанный эфиопским правительством.

30-миллионный народ Эфиопии переживает трудное, но славное время. Немало уже достигнуто, но еще больше предстоит сделать. Обращаясь к членам эфиопской делегации, Леонид Ильич Брежнев в своей речи на приеме 17 ноября 1978 года заявил: «Сейчас перед вами — громадные задачи мирного

строительства, претворения в жизнь идеалов революции. Мы желаем вам больших успехов в этом благородном деле».

Закаленная в огне революционных лет, в победных сражениях с внутренними и внешними врагами, новая Эфиопия решительно двинулась по пути прогресса к социализму.

Валентин Иванович Коровиков

ЭФИОПИЯ—ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ

Редактор *К. Маслов*

Художественный редактор *А. Хисиминдинов*

Технический редактор *Е. Марисич*

Корректор *Л. Малышева*

Технолог *В. Руденко*

Сдано в набор 19.4.1979 г. Подписано в печать 19.6.1979 г.

Т-11923. Формат 70×90¹/₃₂. Объем 4,75 печ. л. текста+

0,5 печ. л. илл., 6,14 усл. л., 5,84 уч.-изд. л. Тираж 100 000 экз.

Зак. 314. Изд. № 4673. Цена 25 коп.

Издательство Агентства печати Новости.

Московская типография № 6 Союзполиграфпрома

при Государственном комитете СССР

по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

109088, Москва, Ж-88, Южнопортовая ул., 24.

**Валентин Коровиков —
известный советский журналист,
собственный корреспондент
газеты «Правда»
в странах
Южной и Восточной Африки.
Свою корреспондентскую
деятельность
В. Коровиков начал
в 1964 году
в странах Западной Африки.
За 15 лет работы
практически объездил
весь континент,
побывал также
во многих странах
Европы, Азии, Америки.
Им написано
множество очерков и статей,
которые отличаются
глубоким анализом
описываемой международной
действительности.**

Цена 25 коп.